РФ
С 11

А. С.....ъ.

Экономическія недоразумѣнія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Художественная типо-литографія А. К. Вейерманъ, Мѣщанская, 2.
1905.

4445.
Э
РФ
С 11

ПОТАШЕНО

Экономическія недоразумѣнія.

Въ русской жизни часто приходится наталкиваться на явленія, съ перваго взгляда, и загадочныя и трудно объяснимыя. Особенно чревата ими сфера общественныхъ вопросовъ.

Оно и понятно.

Русскій умъ съ дѣтства сковывается особою системою воспитанія, а затѣмъ неусыпнаго попеченія, культивирующихъ нашу природную лѣность мысли. Особенно старательно искореняются въ насъ способность сознательнаго и критическаго отношенія къ общественнымъ явленіямъ, способность проявленія общественной самодѣятельности. Всѣ экономическія и государственныя задачи составляютъ ту запретную область, которой не долженъ касаться смиренный обыватель.

Такой пріемъ быть можетъ и не обнаруживаетъ рѣзко своихъ слабыхъ сторонъ при ровномъ теченіи жизни, но чуть выдвигаются на первый планъ черезвычайныя событія, чуть нарушается искусственно поддерживаемый порядокъ, — сразу обнаруживается несостоятельность подобнаго режима. Всеобщая растерянность, безпомощность, отсутствіе иниціативы, неспособность проникнуться широкими государственными интересами, отсутствіе сознательной лойяльности — создаютъ какой-то хаосъ, создаютъ полную неспособность общества орьентироваться и отнестись критически ко всяческимъ теоріямъ, къ любой ереси, съ которыми выступаютъ разные „спасители отечества“, руководящіеся тѣми или иными побужденіями.

Имѣя подъ ногами такую почву—достаточно человѣку съ развитымъ самолюбіемъ, обладающему большимъ запасомъ смѣлости, съ энергіею и постоянствомъ твердить о своемъ умѣ, знаніяхъ, опытности, талантахъ и другихъ доблестяхъ—и, рано или поздно, ему повѣрятъ. Если у него, при этомъ, имѣется нѣкоторый багажъ поверхностныхъ знаній, что называется—хорошо подвѣшанный языкъ, хлесткое перо, изощренное въ лите-

Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
БИБЛИОТЕКА
210395

ратурныхъ упражненіяхъ, (каково бы не было ихъ значеніе и достоинство,)—его шансы на успѣхъ велики, а сфера вліянія—широка. Когда же ареною дѣятельности такого господина является мало развитая и мало свѣдующая публика, то дѣло, какъ говорится, въ шляпѣ. Это своего рода гипнозъ. Разъ установившійся авторитетъ—опредѣляетъ характеръ довѣрчиваго и внимательнаго отношенія загипнотизированныхъ къ своему медіуму и одновременно служитъ проводникомъ обратнаго тока внушенія. Это обстоятельство можетъ заставить и самого виновника своеобразнаго явленія увѣровать въ себя, въ свои силы и значеніе, что конечно подстрекаетъ его къ дальнѣйшимъ подвигамъ. Блаженной памяти Репетиловъ превосходно охарактеризовалъ особенности подобнаго явленія. Однако, мы въ этомъ отношеніи значительно подвинулись впередъ съ временъ Грибоѣдова. То, что прежде ограничивалось сферою разговоровъ, — теперь нашло себѣ мѣсто и въ области литературы. При современныхъ условіяхъ печатное слово получило широкое распространеніе. Самолюбивый и бойкій, но легкомысленный или злоумышляющій публицистъ найдетъ здѣсь всѣ элементы, необходимые для воспроизведенія вышеупомянутаго феномена.

Къ тому же и соблазнъ великъ.

Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь публицистъ это колоколъ, будящій дремлющее сознаніе людей, это нерѣдко вождь общества, на знамени котораго написано та или другая символическая, торжественная надпись. И кто-же станетъ отрицать, что если публицистъ имѣетъ трезвый умъ, искреннее, горячее сердце, солидныя знанія и строго-честно относится къ себѣ и размѣру своихъ силъ, то его задача почтенна и поза красива. Тогда это, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ вождь, проливающій свѣтъ знанія среди своихъ согражданъ, указывающій имъ широкій путь, ведущій къ общему благополучію.

Но какъ сомнительна заслуга публициста, если онъ, очарованный дешевыми лаврами увѣнчавшей его общественной репетиловщины, потеряетъ чувство мѣры въ дѣлѣ личной критической оцѣнки. Какія нежелательныя послѣдствія можетъ повлечь за собою его дѣятельность, если онъ будетъ распространять въ публикѣ ложныя понятія, проистекающія изъ скудости его научнаго багажа, да еще плохо усвоеннаго и продуманнаго?

Общество, или извѣстная его часть — вѣритъ своему оракулу. Оно особенно внимательно прислушивается къ его словамъ именно въ тяжкія минуты, т. е. тогда, когда выростаютъ такія злобы дня, передъ которыми оно останавливается съ недоумѣніемъ и ждетъ разъясненій отъ публициста. Иначе и быть не можетъ. Люди науки слишкомъ оторваны отъ жизни, слишкомъ стѣснены узкими рамками своей спеціальности, въ сферѣ которой совершается ихъ кропотливая работа. Самый языкъ ихъ часто сухъ, абстрактенъ и мало понятенъ для широкой публики.

Вотъ гдѣ, вотъ когда, въ роли посредника между жрецами знанія и

толпой, въ роли популяризатора послѣднихъ выводовъ различныхъ отраслей науки, выступаетъ публицистъ. Онъ черпаетъ свободно изъ сокровищницы знаній—истины, при помощи ихъ выясняетъ связь между удручающими общество обстоятельствами и вызывающими ихъ причинами. Онъ указываетъ на способы выхода изъ тягостнаго положенія. При этомъ онъ говоритъ простымъ, удобопонятнымъ языкомъ, слова его согрѣты горячимъ, искреннимъ чувствомъ.

Какъ оцѣнить дѣятельность публициста, только прикрывающагося личиною безкорыстнаго стремленія помочь общественному горю — ради обдѣлыванія своихъ личныхъ дѣлишекъ, объ этомъ едва ли стоитъ говорить. Для такого дѣятеля—приговоръ давно произнесенъ словами Великаго Плотника: „А кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ... тому было бы лучше, еслибъ повѣсили ему жерновый камень на шею и бросили его въ море“...

Помимо всѣхъ другихъ бѣдствій мы переживаемъ тяжелый экономическій кризисъ. Наше общество и народъ оказались совершенно не подготовленными ни теоретически ни практически къ борьбѣ съ тѣми неблагопріятными условіями, въ которыхъ они очутились. Оффиціальные руководители русской финансово-экономической политики недавняго прошлаго, люди несомнѣнно талантливые, очевидно или должны были подчиниться вліянію международныхъ отношеній, или дѣйствительно слишкомъ односторонне смотрѣли на дѣло; они сосредоточили все свое вниманіе на извѣстныхъ сторонахъ народной хозяйственной жизни въ ущербъ остальнымъ, быть можетъ и менѣе виднымъ, но болѣе существеннымъ. Послѣдствія достаточно извѣстны.

Обличителемъ ошибочности нашего экономическаго направленія не такъ давно выступилъ Г. Шараповъ.

Написавъ на своемъ знамени „бумажный рубль“, онъ зоветъ за собою общество и его оффиціальныхъ руководителей, обѣщая вывести Россію изъ дебрей экономическихъ затрудненій, въ которыхъ она запуталась. Успѣхъ, выпавшій на долю Г. Шарапова, былъ шумный и большой. Не мало людей увлекалось его проповѣдью, были такіе, которые заучивали наизусть цѣлыя страницы изъ его экономическихъ произведеній.

Между его поклонниками встрѣчались лица занимающіе высокое административное положеніе и вліявшіе на ходъ общественной жизни. Его книжечки часто мелькали своими желтыми обложками, снабженными сенсаціонными заглавьями, въ глухой провинціи, далеко отъ центровъ умственной жизни.

Въ такомъ выдающемся успѣхѣ, выпавшемъ на долю Г. Шарапова игралъ не малую роль и жгучій интересъ минуты, тяжело ощущаемый обществомъ и его незнакомство съ экономическими основами, дешевизна изданія, самыя названія книжечекъ въ связи съ общей окраской взглядовъ

автора, щекотавшихъ симпатіи общества, общедоступность и краткость формы изложенія, бойкость пера и „смѣлость, смѣлость безъ конца"...

Но быть можетъ Г. Шараповъ и искрененъ и правъ въ самомъ дѣлѣ? Быть можетъ его „бумажный рубль", изобрѣтенная имъ панацея нашихъ золъ, дѣйствительно въ состояніи спасти Россію?

Вопросъ достаточно серьезный, обѣщаніе слишкомъ широкое и смѣлое, чтобъ не познакомиться съ нимъ ближе.

По заявленію Г. Шарапова его „бумажный рубль" являясь средствомъ обмѣна, въ то же время обладаетъ еще слѣдующими свойствами: а) присущей ему внутренней стоимостью или цѣнностью; б) постоянствомъ этой цѣнности т, р. покупной силы.

Изъ такого опредѣленія явствуетъ, что „бумажный рубль" Г. Шарапова представляетъ собою нѣчто самостоятельное и самобытное, нѣчто объективное и неизмѣняемое. Такія его качества сразу устраняютъ возможность его колебаній и разрѣшаютъ проблему, надъ которою ломали головы не одни наши экономисты.

Въ чемъ же заключается внутренняя стоимость этого рубля?

1) *Только* въ довѣріи народа къ своей государственной власти [1]);

2) *въ добросовѣстной* оцѣнкѣ условій сельской жизни при средней равнодѣйствующей [2]).

А постоянство, въ чемъ оно заключается?

1) Исключительно въ соотвѣтствіи въ каждую данную минуту количества денежныхъ знаковъ со здоровою въ нихъ потребностью [3]).

2) Только въ зависимости отъ свободной воли человѣка могущей его (бумажный рубль) или выпустить или истребить [4]).

Отвергая таблицы товарныхъ чиселъ Зауербека, какъ слишкомъ условныя, для опредѣленія постоянства денегъ вообще, а въ частности его „бумажнаго рубля", Г. Шараповъ предлагаетъ для выясненія сущности его рубля обратиться къ умозрѣнію и логикѣ [5]).

И такъ по опредѣленію автора „бумажнаго рубля"—послѣдній обладаетъ присущимъ ему (значитъ матеріальнымъ) свойствомъ—постоянной внутренней стоимостью. Такая квалификація предполагаетъ въ немъ нѣчто объективное и самобытное, отвѣчающее вещи самой по себѣ Канта. Точнѣе это будетъ вещь—субстанція Гербарта, вещь, понимаемая какъ совокупность ея признаковъ (свойствъ), какъ аггрегатъ, лежащихъ въ основѣ ея реальностей,—какъ собраніе въ одно цѣлое качественно различныхъ, неизмѣняемыхъ монадъ или простыхъ субстанцій, составляющихъ реальное

---

[1]) „Умолотъ", стр. 48.
[2]) „Бумажный рубль", стр, 63—65. Гл. XIV.
[3]) „Умолотъ", стр. 48.
[4]) „Умолотъ", стр. 49.
[5]) „Умолотъ", стр. 48.

основаніе вещи съ ея свойствами (признаками). Съ этой точки зрѣнія постояннымъ свойствомъ (признакомъ) шараповскаго бумажнаго рубля, его монадою, должна бы была быть внутренняя его стоимость.

Но нѣтъ! Самъ же Г. Шараповъ утверждаетъ, что присущая его рублю внутренняя цѣнность (стоимость) не касается его матеріальной сущности, что она, его коренное, основное свойство, его признакъ, лежитъ внѣ его. Да гдѣ же? А въ *довѣріи* народа къ своему правительству и только въ этомъ *довѣріи*. Значитъ: будучи *матеріальнымъ свойствомъ* предмета, она, эта стоимость, должна быть такъ же „только", исключительно,—*не матеріальнымъ* его свойствомъ! Покуда выходитъ что-то странное и это „только" начинаетъ казаться довольно предательскимъ.

А какъ же быть съ постоянствомъ. Вѣдь довѣріе—это нѣчто въ высшей степени неуловимое, условное, относительное, никоимъ образомъ не включающее въ себя понятіе о постоянствѣ. Самъ же Г. Шараповъ отвергъ съ презрѣніемъ таблицы товарныхъ чиселъ Зауербека за ихъ условность, именно поэтому признавъ ихъ непригодными для опредѣленія постоянства его денегъ. Но тогда почему же еще болѣе условное „довѣріе народа" можетъ явиться опредѣляющимъ моментомъ постояннаго свойства субстанціи „бумажнаго рубля". Мало того, бумажный рубль оказывается теперь уже не самобытнымъ: онъ *зависитъ* отъ довѣрія народа къ правительству, онъ величина *зависимая*. Да и самая его зависимость опредѣляется какъ исключительная, требующая почти невозможныхъ условій для проявленія постоянства рубля Г. Шарапова. Странное постоянство! Далѣе авторъ увѣряетъ, что внутренняя цѣнность, сущность его рубля, несмотря на *исключительную* его зависимость отъ довѣрія народа къ своему правительству, зависитъ еще отъ добросовѣстной оцѣнки условій сельской жизни при средней равнодѣйствующей.

Что условія сельской жизни условны—говоритъ самъ Г. Шараповъ, что добросовѣстность—растяжима и не менѣе условна—скажетъ всякій, но кто и что скажетъ о средней равнодѣйствующей? Самъ авторъ бумажнаго рубля объ ней ничего не говоритъ.

Быть можетъ рядъ этихъ загадокъ выяснится при дальнѣйшемъ анализѣ? Посмотримъ. Бумажный рубль, обладая присущимъ ему неизмѣняемымъ свойствомъ—внутреннею цѣнностью фигурируетъ въ то же время какъ посредникъ въ процессѣ обмѣна товаровъ и является, слѣдовательно, выразителемъ количественнаго отношенія, въ которомъ они вымѣниваются. Здѣсь бумажный рубль является, слѣдовательно, чѣмъ-то относительнымъ, какъ одинъ изъ факторовъ обмѣна, что кореннымъ образомъ, повидимому, противорѣчитъ его первоначальному опредѣленію, данному Г. Шараповымъ.

По Гербарту, при помощи заимствованныхъ имъ изъ математики „случайныхъ взглядовъ",—это кажущееся противурѣчіе, быть можетъ

разъяснено такъ: „бумажный рубль", заключающій въ себѣ постоянную неизмѣнную реальность, его внутренную цѣнность, можетъ казаться различнымъ съ точки зрѣнія отношенія его къ другимъ сущностямъ такъ же, какъ напр., данная прямая, оставаясь неизмѣнною, можетъ быть разсматриваема или какъ хорда, или какъ радіусъ, или какъ сѣкущая, или какъ сторона треугольника и т. д.

Дѣло какъ-будто начинаетъ налаживаться...

Нѣтъ! Г. Шараповъ категорически заявляетъ, что объясненіе постоянства его рубля и его внутренней цѣнности нужно искать въ другомъ мѣстѣ. Оно заключается исключительно, какъ поясняетъ Г. Шараповъ, въ соотвѣтствіи, да еще въ каждую данную минуту, количества обращающихся денегъ со здоровою въ нихъ потребностью. Sacré Dieu! Какія драконовскія условія. А что это за здоровая потребность? Потребность въ деньгахъ какъ покупательномъ средствѣ ощущаетъ каждый смертный, осужденный считаться съ нуждами своего существованія. Но при современныхъ условіяхъ экономической жизни онъ ихъ будетъ имѣть только тогда, когда произведетъ что-либо удовлетворяющее одной изъ общественныхъ потребностей и продастъ продуктъ своего труда. У насъ въ Россіи наиболѣе численный общественный классъ—земледѣльческій. Значитъ земледѣлецъ и будетъ наиболѣе численнымъ покупателемъ. Если у него случится недородъ (сдѣлавшійся почти хроническимъ за послѣднее время)—то онъ будетъ не въ состояніи продать продукта своего труда и выручить за него деньги. А безъ денегъ онъ не сможетъ удовлетворить своимъ нуждамъ. Но развѣ потребность въ деньгахъ, какъ средствѣ пріобрѣтенія нужныхъ крестьянину предметовъ, особенно продуктовъ первой необходимости, измѣнится по сравненію съ урожайными годами. Какая же теперь это будетъ потребность: здоровая или не здоровая и которую изъ нихъ считать за здоровую? Ну, а какъ здѣсь достигнуть соотвѣтствія количества денегъ съ потребностью въ нихъ. Такъ какъ земледѣлецъ не могъ ихъ выручить за свой продуктъ,—то остается одно,—подарить ихъ ему? Но вѣдь тогда это будетъ уже дѣломъ филантропіи, а не государственной экономики. Кромѣ того давно выяснено практически, что такой актъ никоимъ образомъ не можетъ помочь постоянству цѣнности денегъ.

Разъ наиболѣе численный покупатель, крестьянинъ, не принесетъ съ собою денегъ, торговцы остальными продуктами лишатся большей части своего сбыта, а слѣдовательно и сами не будутъ имѣть возможности покупать. Тогда роковымъ образомъ количество обращающихся денегъ, какъ средства обмѣна выравнится съ количествомъ сдѣлокъ, т. е. соотвѣтствіе будетъ достигнуто. Однако здѣсь совершенно правдоподобенъ такой случай. Хлѣба мало, а купить его всѣмъ нужно. Цѣна на него поднимется. Значитъ относительная цѣнность денегъ по отношенію

къ хлѣбному товару упадетъ. Продавцы другихъ продуктовъ, чтобъ имѣть возможность сбыть хоть часть своего товара, вынуждены будутъ спустить на него цѣны, потому что и имъ необходимы деньги для покупки хлѣба. Но при условіи пониженія цѣнъ на ихъ товары, относительная стоимость денегъ по отношенію къ нимъ, поднимается. Значитъ и при условіи соотвѣтствія обращающихся денегъ съ количествомъ сдѣлокъ относительная стоимость денегъ для однихъ товаровъ упадетъ, для другихъ поднимется. Это подтверждаетъ и опытъ. Слѣдовательно соотвѣтствіе денегъ съ количествомъ сдѣлокъ не можетъ сохранить постоянства относительной стоимости денегъ. Соотвѣтствіе же количества денегъ съ потребностями напр. хотя бы того же землепашца лежитъ не въ этомъ обстоятельствѣ, а въ совершенно иныхъ и является не причиною, а слѣдствіемъ факторовъ иного порядка. Эти факторы—степень производительности труда крестьянина, такая обстановка его работы, которая, въ большей или меньшей мѣрѣ обезпечивала бы ее отъ разныхъ случайностей,—словомъ—поднятіе агрикультуры.

Все это Г. Шарапову, какъ помѣщику, какъ человѣку интересующемуся вопросами сельской жизни, должно быть хорошо извѣстно.

И такъ: Г. Шараповъ самъ выяснилъ, что его рубль не имѣетъ приписываемой имъ ему внутренней стоимости, ибо она лежитъ внѣ его и содержится не въ матеріальной субстанціи, бумажнаго рубля, а только въ довѣріи народа къ правительству и въ условіяхъ сельской жизни. Только что приведенные, общеизвѣстные факты выяснили, что соотвѣтствіе количества обращающихся денегъ со „здоровою“ въ нихъ потребностью и количествомъ сдѣлокъ не можетъ обезпечить деньгамъ не только постоянства ихъ внутренней стоймости, но даже и относительной.

Значитъ вопросъ можно считать рѣшенымъ? Не тутъ-то было. Г. Шараповъ все еще не можетъ успокоиться—и дѣлаетъ новое открытіе. Пресловутая постоянная цѣнность его бумажнаго рубля выскользываетъ изъ сферы довѣрія народа къ своему правительству и появляется въ области свободной воли человѣка, потому что, только она, эта воля можетъ или выпустить или сжечь бумажный рубль Г. Шарапова. Теперь выясняется, что, слѣдовательно, постоянная внутренняя цѣнность „бумажнаго рубля“ талантливаго экономиста, не только не имѣетъ отношенія къ его матеріальной сущности, но лежитъ въ области метафизики.

„Свободная воля“, какъ одно изъ проявленій духовнаго начала не подчиняется закономъ матеріяльнаго міра. Она не имѣетъ въ себѣ ничего реальнаго и вещественнаго и есть чисто метафизическій терминъ.

Въ основѣ нашихъ умозрѣній и логическихъ построеній лежатъ *опытъ* и *наблюденіе* надъ различными фактами въ жизни вселенной. *Они*, при посредствѣ нашихъ органовъ чувствъ, даютъ намъ понятіе объ окружающихъ насъ предметахъ, отражаютъ, такъ сказать, порядокъ совер-

шающихся кругомъ насъ событій. Отсюда заимствовано и легло въ основаніе умственной дѣятельности представленіе о законѣ причинности. Постоянно подмѣчаемая и воспринимаемая, слѣдующими въ извѣстномъ порядкѣ впечатлѣніями, связь причины со слѣдствіемъ—составляетъ *базу* всякихъ логическихъ построеній. Этимъ путемъ открыты и усвоены нами всѣ физическіе законы и истины.

Законы же духа, лежащаго за предѣлами чувственныхъ воспріятій, намъ совершенно не извѣстны. Они какъ элементы сверхъ-чувственнаго міра, противополагаемаго реальному, не могутъ быть предметомъ изученія и анализа, а слѣдовательно умозрѣнія и логики. Это старая истина. Она причина заблужденій многихъ выдающихся умовъ, пытавшихся проникнуть въ недоступныя нашимъ познавательнымъ способностямъ тайны вселенной, стремившихся изслѣдовать великіе вопросы вѣры, т.-е. вторгнуться въ область, находящуюся за предѣлами чувственныхъ воспріятій. Тутъ можно только вѣрить или не вѣрить—и туда мы не пойдемъ за Г. Шараповымъ искать внутреннюю цѣнность его бумажныхъ денегъ и ихъ загадочныхъ свойствъ.

Т. о. выходитъ, что Г. Шараповъ, обѣщавъ въ началѣ объяснить свой чудесный рубль помощью умозрѣнія и логики, въ концѣ концовъ требуетъ, чтобъ мы просто увѣровали въ него.

Однако къ какимъ же выводамъ приводятъ всѣ разсужденія и хлопоты Г. Шарапова объ его „бумажномъ рублѣ?“

1. У „бумажныхъ денегъ“ Г. Шарапова имѣется, присущая имъ, постоянная внутренняя цѣнность, но она находится внѣ ихъ, и слѣдовательно у нихъ ея нѣтъ, равно какъ нѣтъ и постоянной относительной стоимости, какъ это выясняется въ процессѣ купли—продажи, гдѣ онѣ играютъ роль мѣнового средства.

2. „Бумажный рубль“, открытый Г. Шараповымъ, представляетъ собою самостоятельную, самобытную, неизмѣняемую субстанцію, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, онъ—не самостоятеленъ, а находится въ зависимости, и очень тяжелой, отъ цѣлаго ряда условій.

3. Постоянство внутренней цѣнности этого феномена не опредѣлимо никакими условными данными, хотя и зависитъ отъ нихъ, но данными условными въ высокой степени—опредѣлимо.

4. Хотя „бумажный рубль“ Г. Шарапова есть ничто иное какъ вещь сама по себѣ, существующая внѣ всякихъ условностей, но для его существованія необходимы совершенно исключительныя условія и при томъ такія, которые допускаютъ еще условія и такъ же исключающія всякія другія.

5. Объектъ, въ данномъ случаѣ „бумажный рубль“, подлежащій разсмотрѣнію и опредѣленію при помощи умозрѣнія и логики, не подлежитъ ихъ законамъ и относится къ духовной, сверхъ чувственной сферѣ.

6. „Бумажный рубль“ Г. Шарапова принадлежитъ одновременно тремъ мірамъ: міру физическому — почему онъ доступенъ нашимъ чувствамъ; міру умственному — почему онъ постигается умозрѣніемъ и логикой; міру сверхъ-чувственному — и ему par excellence,—почему этому „рублю“, какъ чудесному дитяти откровенія, полному взаимно исключающихъ другъ друга понятій,—нужно и должно—просто вѣрить.

Добавивъ, затѣмъ, что „бумажному рублю“ можно предъявить только одно требованіе: чтобъ онъ не мѣшалъ экономическимъ отношеніямъ слагаться нормально и свободно, чтобъ его какъ бы совсѣмъ не было, Г. Шараповъ скромно спрашиваетъ: ...„я думаю, что это вполнѣ ясно [1])?

Тамъ же Г. Шараповъ говоритъ: „деньги (бумажныя)?“ и будутъ обладать постоянствомъ до тѣхъ поръ, пока не станетъ замѣтенъ излишекъ ихъ—т.-е. вздорожаніе жизни, или недостатокъ—т.-е. обезцѣненіе труда“. (Гдѣ же ихъ постоянная внутренняя стоимость)? Такъ какъ деньги, по словамъ автора „бумажнаго рубля“—это счетчикъ цѣнностей,—значитъ выразитель цѣнности товаровъ въ процессѣ обмѣна и ихъ недостатокъ выражаетъ обезцѣненіе труда, то трудъ есть цѣнность. Но цѣнность труда заключается въ дѣятельности человѣка, приспособляющей внѣшніе предметы къ его потребностямъ. Это приспособленіе превращаетъ внѣшніе предметы въ потребительныя стоимости, а при современныхъ условіяхъ производства—въ товары. Отсюда естественно заключить, что цѣнность труда затраченнаго на производство товара—хотя отчасти входитъ въ стоимость послѣдняго. Да и самъ Г. Шараповъ очевидно потому и упомянулъ о трудѣ, высказавъ, и при томъ весьма категорично, что недостатокъ денегъ (счетчика цѣнностей) выражаетъ обезцѣненіе труда.

Но такое заключеніе оказывается преждевременнымъ. Въ своемъ отвѣтѣ Г. Боклевскому Г. Шараповъ говоритъ слѣдующее: „Гиляровымъ установлено совершенно незыблимо, что трудъ не только не есть единственное основаніе цѣнности, но и вовсе не составляетъ для него основаніе, вѣрнѣе не имѣетъ *къ цѣнности никакого отношенія*“ [2]).

Покончивъ съ трудомъ Г. Шараповъ выставляетъ слѣдующія положенія:

1) „Мѣру цѣнности составляетъ только потребность въ томъ или иномъ трудѣ, но отнюдь не самый трудъ“.

2) ...„актъ реализаціи пріобрѣтенія сдѣланнаго труда состоитъ только въ опредѣленіи истинной для данной минуты и для данной потребности цѣнности. Значитъ не трудъ будетъ мѣриломъ цѣнности, но цѣнность мѣриломъ труда“.

---

[1]) „Умолотъ“, стр. 49.
[2]) „Умолотъ“, стр. 45.

3) „Мѣриломъ цѣнности, счетчикомъ сдѣлокъ,—служатъ деньги сравнивающія различные виды труда [1]).

Г. Шараповъ постояненъ. Мѣру цѣнности составляютъ потребности, *только* потребности, но это не мѣшаетъ и деньгамъ быть мѣрою цѣнностей. Но авторъ чудеснаго рубля не только постояненъ, онъ революціонеръ, ниспровергающій всѣ плоды усилій человѣческаго ума, на выводахъ котораго строилась экономическая наука.

Стоитъ присмотрѣться къ головокружительнымъ и смѣлымъ положеніямъ Г. Шарапова.

1) *Потребность въ трудѣ составляетъ мѣру цѣнности.* Но потребность прежде всего субъективна, слѣдовательно тѣсно связана какъ съ физіологическими такъ и психическими особенностями каждаго индивидуума. Можно еще усмотрѣть нѣчто общее между потребностями первой необходимости, но и тѣ существенно разнятся между собою, въ зависимости отъ географическихъ, климатическихъ и проч. условій. Отъ южанина, употребляющаго почти исключительно растительную пищу, до жителя крайняго сѣвера, нуждающагося главнымъ образомъ въ мясѣ; отъ дикаря съѣдающаго себѣ подобнаго, до цивилизованнаго баловня фортуны, лакомящагося тонкими блюдами современной кухни,—проходитъ цѣлая гамма качественныхъ различій одной и той же потребности—удовлетворенія чувства голода.

Не менѣе велика количественная разница между потребностями первобытнаго человѣка или дикаря и интеллигентнаго представителя общества настоящаго времени. Наука утверждаетъ, что ростъ потребностей и открытіе способовъ удовлетворенія ихъ идутъ рука объ руку съ развитіемъ культуры, хотя первые множатся въ геометрической прогрессіи, а вторые только въ ариѳметической. Если при этомъ принять во вниманіе субъективность потребностей, то получится безконечно пестрая и измѣнчивая картина, которая съ численнымъ ростомъ человѣчества, съ возрастаніемъ его потребностей и способовъ ихъ удовлетворенія будетъ становиться все сложнѣе, все разнообразнѣе. Какъ вычислить, при такихъ условіяхъ, среднюю норму потребностей, чтобъ принять ее за мѣрило цѣнностей? Какъ можетъ условная, непостоянная и индивидуальная величина объективироваться до возможности сдѣлаться единицею мѣры, имѣющей точное значеніе? Помимо того, еслибъ Г. Шараповъ былъ правъ, то цѣнность предметовъ должна была быть прямо пропорціональна степени важности потребности по отношенію къ ея значенію въ вопросѣ о поддержаніи человѣческой жизни, ибо эта потребность для каждой данной минуты будетъ всегда самая истинная и самая цѣнная. Однако, мы видимъ совершенно обратное. Предметы, удовлетворяющіе наиболѣе существеннымъ нуждамъ,

---

[1]) „Умолотъ", стр. 45.

разцѣниваются много ниже предметовъ роскоши и комфорта. Особенно поучителенъ, въ этомъ отношеніи, случай когда цивилизованные народы соприкасаются съ дикарями. Послѣдніе мѣняютъ дорогую слоновую кость и цѣнные мѣха, добываемые нерѣдко съ опасностью жизни и во всякомъ случаѣ съ большими усиліями и лишеніями,—на стеклянныя бусы, кусочки зеркалъ, перочинные ножи и т. п. бездѣлки, составляющія для нихъ предметы роскоши.

2. *Цѣнность служитъ мѣриломъ труда*, утверждаетъ Г. Шараповъ.

Въ природѣ разсѣяно великое множество предметовъ, которые человѣкъ, ради приспособленія къ своимъ нуждамъ, превращаетъ въ потребительныя стоимости. Для этого онъ долженъ употребить рядъ цѣлесообразныхъ усилій—трудъ. Т. о. изъ соприкосновенья извѣстнаго матеріала, находящагося въ природѣ и человѣческаго труда—возникаетъ *потребительная стоимость*. Съ этой точки зрѣнія—послѣдняя является результатомъ смѣшенія двухъ элементовъ: *пассивнаго*—въ видѣ матеріала, доставленнаго природою и *активнаго*—труда. Созданная такимъ способомъ потребительная стоимость, вымѣниваясь на другую, потребительную же стоимость, служащую для удовлетворенія иной потребности, чѣмъ первая, становится въ извѣстное къ ней отношеніе, выражаемое въ опредѣленныхъ количествахъ обоихъ продуктовъ и такимъ путемъ пріобрѣтаетъ значеніе цѣнности или мѣновой стоимости. За каждымъ изъ вымѣнивающихся предметовъ скрытъ производитель. Слѣдовательно здѣсь возникаетъ отношеніе между двумя субъектами, выражающееся въ количественномъ отношеніи созданныхъ ими потребительныхъ стоимостей. Что же они будутъ цѣнить въ своихъ продуктахъ: даровой матеріалъ природы или ихъ личный трудъ. Конечно свою созидающую дѣятельность—работу. Здѣсь подъ видомъ отношенія потребительныхъ стоимостей—амальгамы дарового матеріала природы и человѣческаго труда, скрывается отношеніе количествъ производящей ихъ работы. Но вѣдь количественное отношеніе качественно различныхъ продуктовъ—есть ихъ мѣновая стоимость. Въ послѣдней, слѣдовательно, выражается отношеніе труда производителя А къ труду производителя В. Если въ процессѣ обмѣна существуетъ посредникъ, выражающій это отношеніе—деньги, то въ нихъ и опредѣляется это отношеніе. Но труды А и В, имѣющіе цѣлью удовлетвореніе различныхъ потребностей и приложенные къ различнымъ матеріаламъ качественно различны и какъ таковые не соизмѣримы, если только не содержатъ въ себѣ ничего ихъ идентирующаго, если не могутъ быть сведены къ одному общему, какъ къ третьей величинѣ, при посредствѣ которой и станетъ возможна ихъ соизмѣримость.

Реально здѣсь существуетъ отношеніе двухъ товаровъ, выражаемое уравненіями; x (количество) товара A=y (количество) товара B=Z денегъ.

Еще Аристотель отмѣтилъ кажущееся противорѣчіе уравненія несоизмѣримыхъ качественно величинъ. Геометрія даетъ намъ способъ разъясненія и рѣшенія этой задачи. Для измѣренія поверхностей различныхъ прямолинейныхъ фигуръ—ихъ разбиваютъ на треугольники, а послѣдніе приводятъ къ произведенію основанія на $^1/_2$ высоты, т.-е. выражаютъ ихъ въ числахъ линейныхъ мѣръ, которыя и принимаютъ за общую единицу мѣры. (Марксъ. „Капиталъ“).

Политическая экономія такъ же приводитъ качественно различные труды къ труду вообще, какъ выраженію расхода механической энергіи человѣческаго организма при посредствѣ дѣятельности мускуловъ и нервовъ человѣка, а единицею мѣры этого *труда вообще* принимаетъ единицы времени, въ теченіи которыхъ совершается работа. Т. о. выясняется, что трудящійся влагаетъ въ продуктъ, производимый имъ свою плоть и кровь—элементы общіе каждому человѣческому организму. Субъективный характеръ труда при общественныхъ формахъ производства, къ которымъ принадлежитъ и капиталистическое или товарное, устраняется здѣсь опредѣленіемъ, какое количество труда изъ всей суммы его, находящейся въ распоряженіи даннаго общества, можетъ быть затрачено на всю массу каждаго рода продуктовъ, нужныхъ для удовлетворенія извѣстныхъ общественныхъ потребностей и какая часть его должна пасть на каждую единицу продуктовъ одного рода, принимая во вниманіе степень техническаго совершенства производствъ. При этомъ деньги, какъ посредникъ при обмѣнѣ продуктовъ, извѣстнымъ своимъ количествомъ выразятъ количество единицъ, признаннаго общественно необходимымъ, рабочаго времени, заключающагося въ различныхъ количествахъ вымѣниваемыхъ товаровъ.

Болѣе подробное изложеніе этого вопроса можно найти въ учебникахъ политической экономіи и трудахъ К. Маркса. Это и не составляетъ моей цѣли, тѣмъ болѣе, что Г. Шараповъ отвергаетъ трудъ, выраженный въ единицахъ рабочаго времени, какъ мѣрило цѣнности, и даже отрицаетъ всякое его отношеніе къ послѣдней. Что скажутъ на это Г. Шарапову апологеты труда? Что могутъ сказать тѣ люди, плоть и кровь которыхъ онъ цѣнитъ ни во что въ продуктѣ?

За исключеніемъ изъ товаровъ элемента труда—въ нихъ остается лишь одинъ даровой матеріалъ, данный природою. Но какъ извлечь изъ товара активный, формирующій его матеріалъ—это тайна Г. Шарапова.

Однако изгнавъ изъ цѣнностей трудъ, авторъ „бумажнаго рубля“ стремится замѣстить оставшуюся пустоту потребностью въ трудѣ и возводитъ ее въ степень мѣрила труда.

Но потребности всегда субъективны, разнородны по существу и не могутъ быть сведены къ какой ни на есть однородной величинѣ. По крайней мѣрѣ наука не указываетъ какъ это сдѣлать, да и самъ Г. Шара-

повъ не разъясняетъ, какимъ образомъ слѣдуетъ совершить эту махинацію. Правда, въ потребностяхъ можно усмотрѣть одно общее—онѣ служатъ стимуломъ къ труду, къ дѣятельности. Но какъ стимулъ къ труду онѣ являются лишь тѣмъ толчкомъ или желаніемъ, обращеннымъ на извѣстный предметъ, который исходитъ изъ вещи самой по себѣ Канта или изъ *не Я* Фихте, у котораго этотъ толчекъ затѣмъ дѣлается внутреннимъ. Такая постановка вопроса увлекла бы насъ въ бездны трансцендентальной философіи и не привела бы къ положительнымъ результатамъ.

Что касается до вопроса о цѣнности какъ мѣрила труда, то это вопросъ совершенно праздный, такъ какъ самъ Г. Шараповъ категорически заявилъ, что трудъ не имѣетъ къ ней никакого отношенія. Почему теперь оказалось, что цѣнность имѣетъ къ труду отношеніе, а именно составляетъ его мѣру—можно объяснить только однимъ, что Г. Шараповъ додумался до новой формы односторонняго отношенія, при которой одинъ предметъ относится къ другому, но этотъ другой не относится къ первому.

И такъ вопросъ остался открытымъ, проблема не рѣшена. А вѣдь въ этомъ рѣшеніи заключается суть экономическихъ воззрѣній Г. Шарапова, отъ него зависитъ судьба его „бумажнаго рубля". Что же получается теперь согласно экономическимъ принципамъ Г. Шарапова. А вотъ что. По упраздненіи труда съ одной стороны остались потребности, а съ другой цѣнности и ихъ счетчикъ „бумажный рубль". По крайней мѣрѣ таковъ выводъ изъ всѣхъ приведенныхъ выше положеній талантливаго экономиста.

Такъ какъ цѣнности суть продукты потребленія безъ которыхъ, особенно безъ отвѣчающихъ первостатейнымъ, насущнымъ нуждамъ, не можетъ жить человѣкъ, а онъ все таки существуетъ, даже размножается и въ то же самое время, значитъ, какъ то ихъ удовлетворяетъ, то и человѣкъ и цѣнности суть вполнѣ реальные факты. Существованіе потребностей выражается стремленіемъ къ удовлетворенію ихъ—желаніемъ. А такъ какъ посредствующаго звена между желаніемъ и предметомъ потребленія—*труда*,—за изгнаніемъ его Г. Шараповымъ, уже нѣтъ, то, слѣдовательно, стоитъ только человѣку пожелать чего нибудь — и желанный предметъ является. И просто и хорошо, и совершенно ново.

Еще библія учила насъ, что трудъ—это заклятіе, наложенное Творцемъ на человѣка за его грѣхопаденіе: „...Проклята земля тебя ради, въ печали ты будешь питаться всю жизнь отъ нея!.. Въ потѣ лица будешь ѣсть хлѣбъ твой, пока не возвратишься въ неё"... Эти слова грозно звучали въ ушахъ перваго земного грѣшника при изгнаніи его изъ рая и наложили тяжкое наказаніе на его потомство—необходимость труда.

Желаніе Г. Шарапова освободить человѣчество отъ гнетущаго его ига труда, при помощи изобрѣтеннаго имъ „бумажнаго рубля", непре-

ложно свидѣтельствуетъ о его добромъ сердцѣ, но это совершенно недостаточный мотивъ, чтобъ заставить министра финансовъ проводить въ жизнь экономическія открытія Г. Шарапова.

Въ самомъ дѣлѣ тутъ есть, какъ будто, нѣкоторый рискъ.

Если допустить, что всѣ положенія Г. Шарапова справедливы и осуществимы со всѣми ихъ послѣдствіями, то невольно возникаетъ вопросъ: если для удовлетворенія всѣхъ потребностей членовъ данной общественной группы или государства достаточно одного желанія, то къ чему такая праздная затѣя—какъ вся промышленность и связанная съ нею ненужная возня, къ чему заводы, фабрики, товары, рынки внутренніе и внѣшніе, къ чему обмѣнъ продуктами желанія. Но разъ не нуженъ обмѣнъ цѣнностями, какъ продуктами желанія, къ чему счетчики цѣнностей и сдѣлокъ, къ чему самыя деньги? А тогда, horribile dictu, къ чему и „бумажный рубль", причинившій столько хлопотъ Г. Шарапову? Нужно только удивляться, почему на землѣ еще существуетъ пролетаріатъ, почему на ней уже давно не искоренены бѣдность, нищета, страданія, почему на ней не водворилось „царство солнца", о которомъ мечталъ Кампанелла?

На трудъ существовало и существуетъ много различныхъ воззрѣній.

Знаменитый французскій ученый, философъ и энциклопедистъ baron Joseph-Marie Gerando (род. 1772 г.) въ своемъ трудѣ „De la bienfaisance publique (Vol II Ch. V) говоритъ: „Imprimer au travail, en lui même, un caractère avelissant, lui attacher l'idée d'une sujestion, d'un sacrifice, d'une tane peine, c'est commettre une erreure aussi grossière que funeste".

Тюрго и Людовикъ XVI въ своемъ эдиктѣ 1776 г., провозглашавшемъ свободу труда и отмѣнившемъ право короля жаловать за деньги позволеніе трудиться, высказываютъ слѣдующее: „Богъ, давъ человѣку потребности, сдѣлавъ для него необходимымъ пособіе труда, обратилъ право трудиться въ собственность всякаго человѣка; эта собственность есть главная, священнѣйшая и ненарушимѣйшая изъ всѣхъ".

Французскій экономистъ Joseph Garnier называетъ эти слова „прекрасными" („Основныя понятія и проч." переводъ Кисловскаго С.-Петерб. 1868 г.).

Нашъ русскій экономистъ И. Горловъ высказываетъ мнѣніе, что трудъ „есть не униженіе, а честь и достоинство человѣка, это истина высокая и несомнѣнная. Но что трудъ не составляетъ жертвы и тягости—это противорѣчить опыту". („Начала политич. экономіи". Соч. И. Горлова. С.-Петерб. 1859 г.).

Вообще большинство экономистовъ и трудящійся людъ придерживается библейскаго взгляда.

Вотъ какъ отзывается о трудѣ Мостъ, самъ принадлежащій къ рабочему сословію: „Безъ труда человѣчество существовать не можетъ, будь оно даже на низшей ступени культурнаго развитія... Работа въ

большинствѣ случаевъ вещь непріятная и нѣтъ ничего удивительнаго, что уже съ раннихъ временъ господствуетъ стремленіе свалить ее съ своихъ плечъ на чужія... трудъ до сихъ поръ былъ плохо поставленъ, но нужно бы было сожалѣть, что существуетъ родъ человѣческій, если для него никогда не наступитъ лучшая пора... Мы склонны думать, что только, труду, только ему одному принадлежитъ будущее, будущее, которое вознаградитъ его высшимъ общественнымъ строемъ за всѣ страданія прошлаго. (Мостъ. „О трудѣ“).

Взглядъ Евангелія на трудъ въ широкомъ смыслѣ выраженъ въ чудныхъ, полныхъ любви и значенія, словахъ: „Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ!“

Представители различныхъ экономическихъ школъ и авторы отдѣльныхъ сочиненій отводятъ труду не одинаковую долю участія въ созиданіи цѣнностей, т.-е. богатства народовъ.

Меркантелисты, главнымъ практическимъ представителемъ которыхъ во Франціи былъ министръ Людовика XIV, Кольберъ, считали наиболѣе производительнымъ трудъ промышленный, и придавали поэтому особенно важное значеніе торговлѣ, тѣсно съ нимъ связанной.

François Quesnay, лейбъ-медикъ Людовика XVI, энциклопедистъ и основатель школы физіократовъ, провозгласилъ единственно производительнымъ земледѣльческій трудъ. Основы его ученія изложилъ Pierre Samuel Dupont de Nemours въ своемъ сочиненіи: „Phisiocratie ou constitution naturelle de gouvernement les plus avantageux aux peuples. Paris. 1768. Turgot пытался практически осуществить тенденціи физіократовъ.

Франклинъ высказалъ, что: „такъ какъ торговля вообще есть ничто иное, какъ обмѣнъ одной работы на другую... то... стоимость всѣхъ предметовъ всего вѣрнѣе оцѣнивается работой, трудомъ. (Марксъ. „Капиталъ“. прим. 17 а.)

Адамъ Смитъ, принимая трудъ за источникъ народнаго богатства, считаетъ только тотъ его видъ производительнымъ, который выражается въ вещественныхъ продуктахъ (цѣнностяхъ) и видитъ въ немъ основаніе и мѣрило стоимости.

Джонъ Стюартъ Милль говоритъ, что для всякаго производства необходимы два элемента: трудъ и соотвѣтствующіе естественные дары природы. Онъ считаетъ производительнымъ только тотъ трудъ, который создаетъ полезности, содержащіяся и воплощенныя въ предметахъ, составляющихъ матеріальное богатство, или помогающій возрастанію послѣдняго. Онъ допускаетъ еще трудъ косвенно производительный.

Прудонъ заявляетъ, что всякій продуктъ является представителемъ извѣстной суммы труда. Если мы отбросимъ отъ него это качество, то тогда всѣ вещи потеряютъ всякій экономическій характеръ и обратятся въ несоизмѣримыя между собою полезности. „Такъ же должны мы смот-

рѣть и на деньги"... (Philosophie de la misére ou sisteme des Contradictions économiques).

„Трудъ съ его механическимъ и умственнымъ началомъ есть источникъ народнаго благосостоянія и богатства" (И. Горловъ.).

J. Garnier въ числѣ совокупности средствъ производства называетъ силы или трудъ человѣка. Цѣнность продуктовъ, говоритъ онъ, выраженная въ цѣнности золота или серебра—называется цѣною. Основаніе всякой цѣнности—издержки производства: цѣна сырого матеріала, возмездіе за усилія или трудъ, и процентъ на капиталъ подъ всѣми его видами (орудія производства, машины и пр.). Самый капиталъ онъ называетъ произведеніемъ человѣка.

Рикардо разъясняетъ, что на окончательную стоимость товара вліяетъ не только тотъ трудъ, который его непосредственно касается, но и тотъ, который былъ уже ранѣе затраченъ на производство орудій, инструментовъ, на постройку зданій, которыя содѣйствовали, помогали этому окончательному труду. Такимъ образомъ трудъ, по его мнѣнію, составляетъ мѣрило и основаніе стоимости. Покупая всякій продуктъ, говоритъ онъ, мы уплачиваемъ его рабочія количества.

Бастіа считаетъ трудъ основаніемъ стоимости, но не тотъ трудъ, который исполняется, а тотъ, отъ котораго освобождается получающій услугу потребитель. („Экономическіе софизмы" русск. переводъ).

Шульце-Деличъ придерживается воззрѣній на трудъ Бастіа.

По К. Марксу только то количество труда или рабочаго времени, которое признано необходимымъ въ данномъ обществѣ, необходимымъ для производства извѣстнаго продукта,—опредѣляетъ количество же, размѣръ мѣновой стоимости, или ее же выраженную въ цѣнѣ — т.-е въ извѣстномъ числѣ денегъ. Сущность стоимости, говоритъ онъ,—это трудъ. Мѣра его количествъ—это продолжительность рабочаго времени.

Взгляды Родбертуса въ опредѣленіи стоимости продуктовъ отчасти совпадаютъ съ таковыми же Маркса.

По словамъ Лассаля приведеніе всѣхъ цѣнностей къ количествамъ труда, къ единицамъ рабочаго времени — блистательная заслуга Рикардо. „Всякая цѣнность сводится къ рабочему времени, необходимому для производства продукта... Деньги, это объективированное—общественное рабочее время... Человѣкъ, употребившій на производство лишь нормально потребные расходы, которые всѣ сводятся на извѣстныя количества рабочаго времени, можетъ быть завтра же долженъ уступить свой продуктъ за половину стоимости его производства, вслѣдствіе того, что какое нибудь новое изобрѣтеніе удешевитъ это производство. Хотя индивидуальный трудъ не измѣнился, но общественно необходимое рабочее время сжалось, еще болѣе застыло... Капиталъ есть накопленный трудъ".

Мостъ предлагаетъ считать производительнымъ только тотъ трудъ, который идетъ на производство предметовъ, удовлетворяющихъ потребности производительныхъ работниковъ.

Такъ какъ общественно-хозяйственныя отношенія слагаются подъ вліяніемъ нужды въ удовлетвореніи потребностей, то единицею мѣры стоимости при обмѣнѣ одного продукта на другой является исключительно общественно хозяйственный факторъ—трудъ. Здѣсь принимается въ разсчетъ именно такое его количество, которое необходимо для изготовленія даннаго продукта въ размѣрѣ, нужномъ для удовлетворенія въ немъ потребности всего общества. Чѣмъ меньше рабочаго времени затрачено на производство даннаго продукта, тѣмъ меньше въ каждую единицу продукта вложено покупательной силы (или цѣнности по Г. Шарапову), что обнаружится при обмѣнѣ этого продукта на другой, при прочихъ равныхъ условіяхъ. (Николай... онъ: „Теорія трудовой стоимости“ „Русское Богатство“. Февраль и Мартъ 1902 г.).

Словомъ каковы бы не были взгляды экономистовъ на трудъ, на его производительность и долю участія въ образованіи цѣнности товаровъ, всѣ они признаютъ значеніе труда и его прямое отношеніе къ цѣнности продукта. Невольно задаешься вопросомъ: для кого же, кромѣ Г. Шарапова „совершенно незыблемо установлено Гиляровымъ, что трудъ не имѣетъ никакого отношенія къ цѣнности?“ Какъ отнестись, послѣ всего саказаннаго выше къ замѣчательному открытію самого Г. Шарапова, что потребности служатъ мѣриломъ цѣнности?

Возьмемъ самый простой примѣръ. Въ имѣніи нѣкоего лица случайно открыто присутствіе желѣзной руды. Залежи ея не эксплоатируются, такъ какъ она покуда никому не нужна. Какую цѣнность имѣетъ она сама по себѣ? Она можетъ ее пріобрѣсти со временемъ, но покуда она равна нулю.

Подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ причинъ, напр. истощенія эксплоатировавшихся ранѣе мѣсторожденій, покрывавшихъ вполнѣ нужду общества въ желѣзѣ, или вслѣдствіе возросшихъ общественныхъ потребностей въ послѣднемъ, или наконецъ продажи имѣнія лицу, желающему выступить конкуррентомъ на желѣзномъ рынкѣ съ другими желѣзопромышленниками и т. п.—рѣшено приступить къ разработкѣ и добычѣ руды. Плата за имѣніе, понятно, не будетъ платою за руду. Хотя продавецъ, если онъ узнаетъ о цѣли покупателя, конечно не преминетъ воспользоваться благопріятнымъ для него обстоятельствомъ и постарается получить возможно больше за свое достояніе. Купившій имѣніе предприниматель прежде всего долженъ будетъ произвести развѣдки, дающія точное понятіе о размѣрахъ залежи руды, о % содержанія въ ней желѣза, о степени чистоты послѣдняго. Эти операціи потребуютъ приглашенія спеціалиста по намѣченнымъ вопросамъ, извѣстнаго количества рабочихъ, ко-

торые по указаніямъ спеціалиста, совершатъ простѣйшія механическія дѣйствія, сопряженныя съ намѣченной цѣлью.

Плата спеціалисту и рабочимъ составитъ первое слагаемое цѣны будущаго продукта. Владѣлецъ имѣнія, получивъ свѣдѣнія о благопріятныхъ результатахъ развѣдокъ,—рѣшается приступить къ дѣлу. Начинается добыча руды. Плата рудокопамъ будетъ второе слагаемое въ цѣнѣ издѣлія. Допустимъ, для простоты разсчета, что залежи руды поверхностны и работы будутъ вестись простымъ вскрытіемъ почвы. Тѣмъ не менѣе и теперь уже потребуются простѣйшія орудія: лопаты, кайла, тачки и т. д. Стоимость ихъ войдетъ въ стоимость желѣза и будетъ третьимъ ея слагаемымъ. Добытую руду надо доставить на мѣсто обжега. Будутъ нужны люди и средства перевозки. Плата однимъ и стоимость другихъ—составятъ четвертое и пятое слагаемыя въ цѣнѣ изготовленнаго товара. Къ мѣсту обжега должны быть свезены дрова, ихъ нужно нарубить. Стоимость обѣихъ операцій выйдетъ какъ шестое и седьмое слагаемыя въ цѣну продукта. За всѣми этими операціями нужно слѣдить, за правильностью платежей такъ же. Придется пригласить надзирателей, счетоводовъ, завести книги для учета. Вознагражденіе первыхъ и стоимость книгъ составятъ девятое и десятое слагаемыя. Для конторскихъ работъ и рабочихъ, если залежи находятся въ дали отъ жилья необходимы будутъ помѣщенія, при нихъ сторожа, прислуга и т. д. Стоимость помѣщеній, плата прислугѣ и сторожамъ составятъ одиннадцатое и двѣнадцатое слагаемыя. Затѣмъ: обожженную руду надо доставить на заводъ, который придется выстроить и снабдить всѣми необходимыми устройствами. Опять нужны возчики, средства перевозки, каменьщики, плотники, кровельщики, маляры, техники, металлурги, механики и т. д. И тутъ потребуется плата за трудъ въ его ли непосредственной формѣ или въ видѣ приспособленій, машинъ, вообще орудій производства, представляющихъ собою продукты дѣятельности другихъ рабочихъ на другихъ фабрикахъ, трудъ которыхъ уже оплаченъ. Въ концѣ концевъ—заводъ готовъ, пущенъ въ ходъ и далъ окончательный продуктъ—напр. сортовое желѣзо. Очевидно, что въ стоимости его—руда, какъ матеріалъ доставленный природою—не при чемъ. Но съ ней, съ добычи ея изъ земли до выхода изъ прокатныхъ становъ содержавшагося въ ней металла въ видѣ различныхъ сортовъ желѣза, постоянно соприкасался трудъ, и только трудъ. Различные его виды въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ трансформирующихъ процессовъ непрестанно вліяли на первоначальный матеріалъ, измѣняя его видъ и свойства. Значитъ въ производствѣ сортового желѣза учавствовали: руда, какъ даровой и пассивный факторъ и активный, оплачиваемый факторъ—трудъ. И чѣмъ чаще онъ присоединялся къ пассивному даровому фактору, тѣмъ больше возрастала цѣнность фабриката. Съ одной стороны совершалась эманація, съ другой усвоеніе, до полнаго насыщенія—въ окончательномъ

издѣліи. Отсюда ясно, что окончательная стоимость продукта состоитъ изъ вложенныхъ въ него различныхъ видовъ труда. Слѣдовательно если рабочія количества, заключающіяся въ немъ будутъ вполнѣ оплачены, то ихъ стоимость и составитъ истинную стоимость товара. Чтобъ убѣдиться изъ чего слагаются цѣны продуктовъ: напр., заводско-фабричнаго производства, стоитъ только просмотрѣть заводскія счетныя книги и прослѣдить по нимъ всѣ расходы до заключительнаго итога и прибавить сюда разницу между нимъ и рыночной цѣной продукта. Эта разница и представитъ собою предполагаемый доходъ владѣльца предпріятія на случай, если состоится продажа продукта.

Проанализировавъ различныя отрасли производства на различныхъ фабрикахъ изслѣдователь всегда найдетъ, что цѣнность продукта будетъ состоять изъ дарового природнаго матеріала и оплаченныхъ, но не вполнѣ, рабочихъ количествъ, т.-е. труда, часть стоимости котораго удерживается въ пользу капиталиста, давшаго средства для производства, какъ % на затрачиваемый имъ капиталъ. Это прекрасно знали, хотя и толковали не совсѣмъ правильно, еще на зарѣ крупнаго производства, что въ свое время и породило споры „о послѣднемъ часѣ сеньора“, или точнѣе о послѣднемъ часѣ работы, идущей въ пользу сеньора.

Такимъ образомъ походъ Г. Шарапова противъ труда приходится признать неудавшимся.

Жизнь человѣка, какъ и всякаго животнаго ставитъ своимъ непремѣннымъ условіемъ возможность удовлетворенія его насущныхъ потребностей. Извѣстно что всѣ процессы въ человѣческомъ организмѣ совершаются по тѣмъ же химическимъ, физическимъ и механическимъ законамъ, какъ и во всемъ органическомъ мірѣ. Извѣстно такъ же, что порядокъ этихъ процессовъ всюду одинаковъ, т.-е. всюду существуетъ послѣдовательная связь причины со слѣдствіемъ.

Поэтому понятно, что заря человѣческой жизни занялась въ тѣхъ областяхъ земного шара, гдѣ существовали климатическія и прочія естественныя условія, наиболѣе благопріятныя для развитія органической жизни вообще. При первоначальной близости людей къ природѣ, при ограниченности числа ихъ и ихъ потребностей, они легко могли удовлетворять своимъ существеннѣйшимъ нуждамъ предметами, находящимися въ готовомъ видѣ въ окружающей ихъ средѣ. Но именно эти счастливыя обстоятельства и должны были повлечь за собою численный ростъ человѣчества. Значитъ рано или поздно долженъ былъ наступить моментъ, когда естественныхъ средствъ въ занятой первобытнымъ населеніемъ мѣстности стало недостаточно. Эта причина должна была вызвать расширеніе площади земной поверхности, на которой ютился человѣкъ. Она же заставила его

считаться съ новыми и большею частью менѣе счастливыми условіями заселяемыхъ мѣстностей. Однако, съ постепеннымъ приспособленіемъ къ новымъ мѣстамъ вытѣсненой части населенія, послѣдовалъ опять значительный приростъ акклиматизировавшихся первыхъ колонистовъ со всѣми его послѣдствіями. Постепенно расширяющійся захватъ менѣе и менѣе благопріятныхъ для жизни пространствъ съуживалъ границы безпечальнаго существованія человѣчества и дарового пользованія дарами природы. Быть можетъ это и былъ тотъ золотой вѣкъ, о которомъ потомъ вздыхали поэты... Теперь уже приходилось задумываться о способахъ и средствахъ борьбы съ неблагопріятными условіями, вредоносными явленіями, изобрѣтать способы удовлетворенія жизненнымъ запросамъ.

До сихъ поръ почти единственною черною точкою существованія людей—были столкновенія съ болѣе сильными и особенно хищными животными и гадами, что естественно внушило инстинктивное стремленіе къ объединенію, выказало всѣ преимущества коллективной борьбы передъ единичною. Отсюда—объединеніе въ группы, связанныя интересами самозащиты и безопасности. Что такое соображеніе было доступно обитателямъ первобытныхъ лѣсовъ, при самомъ примитивномъ развитіи ихъ, если даже не считать его инстинктомъ,—видно изъ наблюденій надъ существами неизмѣримо низшаго порядка, живущими обществами (пчелы, муравьи). Не менѣе извѣстны пріемы коллективной самозащиты между стадными животными (Спенсеръ).

Истощеніе наличныхъ средствъ существованія заставило искать добавочныхъ, а необходимость сообразоваться съ неблагопріятными временами года внушила мысль о запасахъ. Примѣры и доказательства примитивности такихъ побужденій опять таки можно найти въ мірѣ насѣкомыхъ и животныхъ. Эти причины роковымъ образомъ еще тѣснѣе сближали членовъ отдѣльныхъ группъ и выдвигали всѣ преимущества коллективной дѣятельности. Интересны случаи, свидѣтельствующіе о существованіи сознательнаго труда у насѣкомыхъ. Одинъ наблюдатель разсказываетъ слѣдующее о золотистой жужелицѣ: майскій жукъ упалъ на спину и тщетно силился подняться. Жужелица бросилась на него, но, повозившись съ нимъ около пяти минутъ, убѣжала. Черезъ нѣкоторое время она снова появилась, но не одна, а въ сопровожденіи другой, съ которою вмѣстѣ она и утащила жука. Могильщики (necrophorus vespillo), являясь на мѣсто погребенія, внимательно осматриваютъ трупъ, изучаютъ грунтъ земли подъ нимъ и затѣмъ, размѣстившись въ извѣстномъ порядкѣ, начинаютъ рыть землю. Если встрѣтится какая-нибудь помѣха въ видѣ корня или камня, они осматриваютъ ихъ, соображаютъ и дружно, соединивъ свои усилія справляются съ препятствіемъ. Жукъ изъ породы копровъ (Aiechus sacer) однажды закатилъ свой шаръ въ ямку на поверхности земли и никакъ не могъ вытащить его оттуда. Отправившись къ ближайшей навозной

кучѣ,онъ вышелъ изъ нея въ сопровожденіи такихъ же жуковъ и они общими усиліями вытащили шаръ изъ ямки и первый жукъ покатилъ его дальше. Пчелы устраиваютъ у себя въ ульяхъ вентиляцію, для чего онѣ становятся рядами и начинаютъ махать крыльями, соображаясь съ движеніями своихъ сосѣдей. Коллективныя зодческія работы пчелъ и муравьевъ достаточно извѣстны.

И такъ уже въ отдаленныя, доисторическія времена существуетъ трудъ личный и коллективный. Недостаточность средствъ существованія и стремленіе открыть новые источники ихъ должны были привести людей къ идеѣ эксплоатаціи животныхъ. И здѣсь примитивность такого побужденія при невысокой степени умственнаго развитія подтверждаютъ факты изъ жизни насѣкомыхъ. Извѣстно, напр., что нѣкоторые виды муравьевъ пользуются извѣстными разновидностями тлей какъ дойными коровами. Они же эксплоатируютъ себѣ подобныхъ въ качествѣ рабовъ.

Вѣроятно этотъ моментъ въ жизни нашихъ предковъ ознаменовался переходомъ изъ охотничьяго быта къ пастушескому.

Постепенное истощеніе пастбищъ и обѣдненіе, хотя бы относительное скотомъ, а слѣдовательно опять-таки недостатокъ средствъ пропитанія заставилъ людей обратиться къ земледѣлію. Очевидно этотъ переходъ совершился не сразу и номады не вдругъ превратились въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ.

„... Бытъ нашихъ предшественниковъ въ глубокой древности похожъ на бытъ дикарей настоящаго... это даетъ намъ возможность приподнять туманную завѣсу, отдѣляющую настоящее отъ минувшаго". (Дж. Леббокъ, стр. 1).

Вотъ въ высшей степени интересный примѣръ зачатковъ хлѣбопашества: „Тѣ изъ киргизъ, которые обѣднѣли и не имѣютъ довольно скота для своего пропитанія обратились къ земледѣлію и завели пашни, большею частью по берегамъ рѣкъ и озеръ. Однако же кочевой образъ жизни они не оставили. Засѣявъ поле, они кочуютъ въ его окрестностяхъ до тѣхъ поръ, пока не поспѣетъ хлѣбъ. Тогда они убираютъ его, обмолачиваютъ, а затѣмъ взявъ съ собою часть, зарывъ остальное въ землю, откочевываютъ въ дальнія мѣста. Боронъ киргизы не употребляютъ, а прикрѣпляютъ къ хвостамъ лошадей пучки вѣтвей или хворосту. Для жнитвы они употребляютъ маленькіе серпы, а иногда просто вырываютъ стебли руками. Соха простѣйшаго устройства имъ знакома, но малыя пашни они взрываютъ заступами". („Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей". А. Левшинъ. СПБ. 1832 г. т. 3. стр. 199). Здѣсь уже существуетъ эксплоатація силъ животныхъ.

Кто не видалъ, какъ паукъ пользуется силою вѣтра для прикрѣпленія на значительномъ разстояніи конца паутины, другой конецъ которой уже фиксированъ? Кому не приходилось наблюдать бѣлокъ, пере-

плывающихъ рѣчки на кускахъ дерева и щепкахъ, при чемъ своимъ хвостомъ онѣ пользуются какъ парусомъ? Общеизвѣстны случаи, когда зайцы спасаются отъ наводненій при разливахъ рѣкъ на плавучихъ деревьяхъ. („Дѣдушка Мазай и зайцы". Некрасова).

А вѣдь въ основѣ этихъ фактовъ лежитъ принципъ пользованія силами природы. Между тѣмъ насѣкомыя и животныя по своему развитію несомнѣнно много ниже первобытнаго человѣка или современнаго дикаря.

Изъ всего выше приведеннаго ясно, что въ самыя отдаленныя времена человѣческаго существованія уже существуютъ всѣ формы труда, до коллективнаго включительно. Подтвержденіемъ естественности такового порядка служатъ не только факты изъ жизни дикарей настоящаго, близко сходныхъ по своему развитію съ доисторическимъ человѣкомъ, но и изъ міра животныхъ и насѣкомыхъ. Принципъ общественности и хозяйственности подъ давленіемъ закона борьбы за существованіе такъ же широко распространенъ въ живущемъ мірѣ.

Соціальныя инстинкты, возникая подъ давленіемъ тѣхъ сторонъ общественной жизни, которыя содѣйствуютъ благу данной общественной группы, способствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе широкому развитію общественности. Объединеніе многихъ общественныхъ группъ, вызываемое ихъ общими выгодами еще болѣе помогаетъ развитію послѣдней. (Дарвинъ).

Въ первоначальной общественной группѣ, общинѣ или семьѣ, количество заготовляемыхъ продуктовъ соотвѣтствуетъ и опредѣляется размѣромъ ея потребностей. Здѣсь практикуется прямое удовлетвореніе нуждъ каждой групповой единицы, каждаго члена семьи или общины. Слѣдовательно тутъ мы имѣемъ дѣло только съ потребительными стоимостями, изготовляемыя путемъ сотрудничества. При этомъ, если и существовалъ обмѣнъ между отдѣльно живущими группами, то только случайный, только излишками, оставшимися за удовлетвореніемъ нуждъ всѣхъ членовъ группы. Понятно, что продуктъ вымѣнивался непосредственно на продуктъ.

Первобытная семья и община, съ усложненіемъ жизненныхъ условій, вслѣдствіе взаимныхъ столкновеній и другихъ обстоятельствъ перестаютъ уже быть единственными формами общежитія. Возникаютъ формы рабовладѣльческія, крѣпостническія и т. д., характеризующіяся соотвѣтствующими видами труда. Здѣсь рабами или крѣпостными заготовляется такое количество продуктовъ, которое не только удовлетворяетъ ихъ собственнымъ нуждамъ, но обезпечиваетъ и существованіе ихъ господъ. И здѣсь еще потребности, по отношенію къ ихъ размѣру, опредѣляются непосредственно.

Причины, обусловившія разнообразіе формъ общежитія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когдл соприкасались между собою отдаленныя общественныя группы, различавшіяся особенностями естественныхъ условій ихъ

жизненной обстановки и уклада, должны были повлечь за собою расширеніе кругозора отдѣльныхъ личностей и расширеніе ихъ потребностей. Нѣкоторое смягченіе взглядовъ и практическія неудобства, подорвавъ принципъ насильственнаго захвата и присвоенія, привели къ идеѣ обмѣна.

При наличности такихъ формъ общежитія, въ которыхъ выдвинулся господствующій классъ, захватившій въ свои руки преобладающее вліяніе, вполнѣ естественно нарожденіе въ немъ тенденціи къ труду ради обмѣна, благо этотъ трудъ не ложился на него бременемъ. Стоимость продукта такого труда конечно опредѣлялась волею господъ (собственниковъ не только издѣлій, но и самихъ работниковъ) и соглашеніемъ ихъ съ покупателемъ.

Данныя исторіи, касающіяся отдаленныхъ и ближайшихъ эпохъ выясняютъ условія возникновенія дальнѣйшаго расчлененія обществъ на классы, измѣненія внутренняго распорядка и появленія внутренняго же обмѣна. Постепенно дѣло доходитъ до современныхъ формъ общественной жизни и до принципа свободнаго труда и капиталистической формы производства. Тутъ продуктъ изготовляется уже наемными работниками. Ихъ приспособляющая дѣятельность покупается владѣльцами орудій производства и богатствъ вообще, которыя и суть ничто иное какъ запасъ продуктовъ труда предшествовавшихъ поколѣній.

При свободномъ трудѣ и капиталистическомъ производствѣ уже не существуетъ прямого опредѣленія размѣра внутреннихъ потребностей для даннаго общества. Оно совершается теперь при помощи рынка. Въ первобытныхъ формахъ общественной жизни—изготовлялись сперва единственно, а затѣмъ почти исключительно предметы личнаго потребленія—потребительныя стоимости pur sang и при этомъ для опредѣленнаго числа лицъ. Теперь всѣ продукты изготовляются непремѣнно ради чужихъ, а не работающаго потребностей и для неопредѣленнаго числа лицъ. Число этихъ лицъ опредѣлится только на рынкѣ и выразится въ числѣ покупателей. Здѣсь уже потребительныя стоимости пріобрѣтаютъ форму *товара*. Эти же покупатели, въ свою очередь явятся продавцами продукта своего труда, который они только и могутъ вымѣнять на нужные имъ продукты чужого труда. Понятно какъ тѣ, такъ и другіе должны будутъ подчиниться и условіямъ производства и условіямъ рынка.

Такъ что теперь уже нѣтъ точной, сосчитанной цифры числа предметовъ, удовлетворяющихъ размѣру каждаго рода потребности, какъ это было ранѣе. Точно такъ же и стоимость продуктовъ, зависѣвшая прежде отъ воли работника или его господина теперь будетъ зависѣть отъ совершенно иныхъ причинъ.

Весь этотъ бѣглый, поверхностный и несовершенный очеркъ развитія формъ труда (предполагающій общее знакомство читателя съ во-

просомъ), тѣмъ не менѣе даетъ возможность опредѣлить характеръ его первоначальнаго продукта—потребительной стоимости.

Всюду первый могущественный стимулъ, первый толчекъ къ работѣ, къ труду—нужда. Субъективнымъ выраженіемъ этой нужны—всегда будетъ желаніе. Мотивы, изъ которыхъ исходятъ поступки человѣка, прежде всего чувственные. Сущность эмпирической воли состоитъ въ томъ, что здѣсь желаніе обращается на предметъ, къ которому человѣкъ привлекается чувствомъ удовольствія, а это послѣднее коренится въ природѣ человѣка, въ его естественной нуждѣ; отсюда всѣ матеріальные мотивы воли, со стороны субъективной, подходятъ подъ принципъ эгоизма (Кантъ). Хотѣніе, стремленіе жить, по Шопенгауеру, исчерпываетъ содержаніе воли.

За этимъ стимуломъ слѣдуетъ приспособляющая къ роду нужды дѣятельность—трудъ. Онъ обращается на предметы, находящіеся въ природѣ и дающіеся ею даромъ. Отъ взаимодѣйствія природнаго дарового матеріала и активнаго приспособляющаго элемента—труда, получаются потребительныя стоимости. Эти послѣднія, скопляясь въ отдѣльныхъ рукахъ, составляютъ матеріальное богатство. Накопившееся богатство, какъ продуктъ предшествовавшаго труда надъ матеріаломъ, доставленнымъ природою, при современныхъ условіяхъ производства и свободномъ трудѣ, даетъ возможность обладателямъ его покупать трудъ въ видѣ найма работниковъ.

Первый интересъ всякой общественной группы—изготовленіе предметовъ удовлетворяющихъ ея насущнымъ и наиболѣе существеннымъ потребностямъ. Если весь трудъ, которымъ располагаетъ общество, нуженъ только для этой цѣли, то оно не можетъ, понятно, ничего создать для другого, чуждаго ему общества. Это законъ, который не можетъ быть отвергнутъ никакимъ общественнымъ организмомъ подъ страхомъ нарушенія его собственной цѣлости и утраты жизненности.

Коллективный трудъ съ его подраздѣленіями и спеціализаціей проявляетъ значительно большую производительную способность, чѣмъ трудъ единоличный. Капиталистическая форма производства утилизируетъ именно этотъ сортъ труда для изготовленія продуктовъ удовлетворяющихъ потребностямъ даннаго общества и подавляетъ поэтому дѣятельность единичнаго, личнаго, самостоятельнаго труда. „Купное (капиталистическое) производство есть дѣтище мелкаго, но дѣтище злое, которое предаетъ свою мать медленной смерти“, говоритъ Мостъ, совмѣстная работа многихъ привела необходимо къ раздѣленію труда... и вся работа была сведена къ простѣйшимъ пріемамъ. Это вызвало производство орудій... которое... повело за собою производство громадныхъ двигательныхъ машинъ. Торговля развивалась пропорціонально развитію производства“... (Гл. V).

Капиталистическое производство, какъ болѣе совершенная форма труда даетъ возможность въ болѣе короткое время и съ меньшими затратами изготовить продуктъ, чѣмъ трудъ одинокаго работника. Поэтому ему на рынкѣ никто не станетъ платить вдвое или втрое дороже за его издѣліе только потому, что его производство обошлось вдвое или втрое дороже самому работнику, чѣмъ за такое же издѣліе, которое имѣется на лицо и было изготовлено на фабрикѣ. Равнымъ образомъ никто не станетъ платить за продукты одной фабрики дороже, чѣмъ за такія же издѣлія другой. Т. о. капиталистическое производство имѣетъ тенденцію устанавливать норму стоимости продукта и, какъ только что указано, въ зависимости отъ степени производительности труда. Какъ же оно опредѣляетъ ее?

Данное общество, характеризующееся капиталистическимъ строемъ производства обладаетъ извѣстной суммой рабочихъ силъ, средствъ производства и степенью техническаго развитія. Оно должно для своихъ членовъ создать извѣстное количество потребныхъ имъ продуктовъ въ каждой изъ отраслей промышленности, отвѣчающихъ той или иной нуждѣ. Сумма всѣхъ рабочихъ силъ распредѣляется по отдѣльнымъ отраслямъ производства пропорціонально массѣ каждаго рода продуктовъ идущей на покрытіе опредѣленной потребности. Иначе говоря: изъ всего количества труда, которымъ располагаетъ общество и которое ему необходимо затратить ради удовлетворенія всѣхъ его потребностей,—на производство продуктовъ удовлетворяющихъ каждой изъ нихъ, удѣляется только нѣкоторая часть труда, выражаемая въ единицахъ рабочаго времени. Размѣръ этой доли труда—стоитъ въ прямой зависимости отъ размѣра нужды общества въ продуктѣ именно этого вида. Значитъ каждая отрасль производства можетъ тратить только *часть* всего общественно необходимаго рабочаго времени, отвѣчающую объему той или другой потребности. Каждый изъ предметовъ будетъ покупаться только тогда, когда онъ можетъ удовлетворить какой ни-будь общественной потребности и въ количествѣ, опредѣляемомъ размѣромъ общественной-же нужды въ немъ. Отсюда понятно, что количество общественнаго рабочаго времени, затраченное на изготовленіе извѣстной суммы общественно нужныхъ продуктовъ на одной фабрикѣ не должно, въ среднемъ, превышать количества рабочаго времени, расходуемаго другими фабриками на изготовленіе того же числа предметовъ такого же характера. Слѣдовательно на всѣхъ фабрикахъ на каждую единицу однороднаго продукта должно упасть одинаковое число единицъ рабочаго времени. Это правило касается каждой изъ фабрикъ данной отрасли промышленности.

Но такое обстоятельство нисколько не противорѣчитъ факту, что разнородные продукты въ различныхъ количествахъ могутъ заключать въ себѣ одинаковыя суммы единицъ рабочаго времени, затраченныя на ихъ производство.

Потребительная стоимость—это произведеніе природы, приспособленное трудомъ къ нуждамъ человѣка. Поэтому человѣкъ, работая, не создаетъ, не творитъ продуктъ, но онъ расходуя свой трудъ, т. е. потенціальную энергію мозга, нервовъ и мускуловъ, приспособляетъ находящійся въ природѣ матеріалъ къ человѣческимъ потребностямъ. Милль говоритъ: „Хотя мы не въ состояніи создавать матеріи, но мы можемъ придавать ей такія свойства, благодаря которымъ, изъ безполезной для насъ матеріи, она станетъ полезной... Трудъ не создаетъ предметовъ, онъ создаетъ лишь полезности... Совершенно справедливо, что всѣ виды труда создаютъ полезности"...

Человѣкъ, работая какъ столяръ, портной, сапожникъ, проявляетъ качественную сторону своего труда. Онъ можетъ изготовить продукты этого качественно различнаго труда для себя—это будетъ потребительная стоимость. Если онъ изготовитъ вещь не для себя, а вообще для кого ни-будь, для кого эта вещь можетъ пригодиться, то это издѣліе будетъ уже вещь полезная для всего общества—*товаръ*. Именно потому, что этотъ послѣдній имѣетъ общественное значеніе, работникъ-производитель можетъ получить въ обмѣнъ на него другой товаръ, удовлетворяющій собственной потребности его, какъ члена общества. Здѣсь два или нѣсколько товаровъ становятся въ мѣновое отношеніе между собою. Это мѣновое отношеніе всегда выразится въ извѣстномъ количествѣ вымѣниваемыхъ товаровъ, все равно,—будетъ ли этотъ обмѣнъ непосредственнымъ или посредственнымъ, т. е. приравниваемымъ къ извѣстному количеству денежнаго товара или денегъ: двѣ величины равныя порознь третьей—равны. Такъ какъ каждый изъ вымѣнивающихся товаровъ имѣетъ цѣлью удовлетвореніе любого изъ членовъ общества, то отношеніе это имѣетъ общественное значеніе, общественный характеръ.

Простѣйшей формулой такого мѣнового отношенія будетъ уравненіе: x товара A=y товара B.=Z товара C. Положимъ, что x=1; y=2; Z=4. Тогда 1 товара A будетъ=2 единицамъ товара B и 4 единицамъ товара C. Иначе: покупательная сила перваго товара вдвое больше покупательной силы второго и вчетверо—покупательной силы третьяго.

Матеріальная сущность этихъ трехъ товаровъ различна, количественное ихъ отношеніе такъ же. Тѣмъ не менѣе въ процессѣ обмѣна они уравниваются. Почему?

Въ производствѣ любого товара учавствуетъ два элемента: пассивный и активный. Пассивный—это даровой матеріалъ природы и тотъ же матеріалъ, но превращенный преобразовательною дѣятельностью труда въ особый видъ сырья, зданія, орудія производства, машины и т. п. предметы, въ которыхъ рабочія количества уже оплачены. Всѣ эти предметы въ своей дѣятельности изнашиваются и портятся подъ вліяніемъ всесокрушающаго времени. Стоимость ихъ или сумма рабочихъ количествъ

истраченныхъ на нихъ и въ нихъ заключающихся, падаетъ извѣстной долей на каждую еденицу вновь производимаго продукта и, такимъ образомъ, постепенно погашается до конца ихъ службы или до разсчитаннаго срока.

Активный элементъ, приводящій въ движенье весь механизмъ производства, сливающійся съ нимъ въ созидающемъ новый товаръ процессѣ —трудъ. Для каждаго рода товаровъ этотъ трудъ будетъ качественно различный, но какъ трата потенціальной энергіи мозга, нервовъ и мышцъ, онъ будетъ общечеловѣческій. Т. о. трудъ, сведенный къ его общечеловѣческой основѣ является однороднымъ по существу, лишеннымъ всякихъ индивидуальныхъ особенностей. Количество его опредѣляется какъ дѣятельность средняго человѣческаго организма, какъ опредѣленное количество израсходованныхъ тканей человѣческаго организма на опредѣленное же число единицъ продукта въ извѣстный періодъ времени (день, часъ). Средняя производительность труда для каждой отдѣльной отрасли производства является, такимъ образомъ, вполнѣ установленной и опредѣленной, если принять въ разсчетъ высоту техническаго развитія и степень совершенства орудій производства, являющихся какъ бы аккумуляторами человѣческихъ усилій, соотвѣтственно данной эпохѣ. Пассивный элементъ переносится въ окончательный продуктъ какъ даровой матеріалъ природы и прежде оплаченныя рабочія количества. Активный придаетъ ему окончательную желаемую форму въ цѣляхъ удовлетворенія тѣмъ потребностямъ для которыхъ онъ предназначается. Если вся завершительная работа будетъ оплачена—то это, вмѣстѣ съ долями стоимости прежнихъ рабочихъ количествъ въ орудіяхъ производства—и составитъ полную стоимость новаго товара. Слѣдовательно въ послѣднемъ только и будетъ заключаться: даровой природный матеріалъ и въ разное время оплаченныя рабочія количества.

При условіяхъ капиталистическихъ производства и общественнаго строя, каждый потребитель, желающій купить для удовлетворенія своей потребности продуктъ чужого труда, долженъ предъявить свой, въ видѣ вырученныхъ за него денегъ. Но что можетъ предложить въ обмѣнъ на необходимые ему предметы человѣкъ, единственнымъ достояніемъ котораго будетъ право трудиться, „эта священнѣйшая собственность“ по опредѣленію Тюрго. „Ему остается одно“, говоритъ Мостъ, „продать свой трудъ“. Такимъ то образомъ при современныхъ условіяхъ и самый трудъ принимаетъ значеніе и форму товара и, какъ таковой, покупается за деньги.

И такъ: въ мѣновомъ отношеніи товаровъ выражается ихъ стоимость. Это отношеніе, какъ уже извѣстно, имѣетъ общественное значеніе. Слѣдовательно мѣновая стоимость будетъ выраженіемъ извѣстныхъ общественныхъ отношеній. Значитъ: въ суммѣ мѣновыхъ стоимостей всѣхъ то-

варовъ заключается вся сумма труда, все количество рабочаго времени, которое израсходовало на изготовленіе ихъ данное общество ради удовлетворенія своимъ потребностямъ. На каждый родъ товара, соотвѣтственно размѣру общественной нужды въ немъ удѣляется часть этого рабочаго времени. Такъ что количество общественно необходимаго труда, заключающееся въ каждомъ товарѣ, опредѣляется и измѣряется единицами времени работы и составляетъ его мѣновую стоимость. Если количество произведеннаго товара будетъ больше размѣра общественной потребности въ немъ, то излишекъ его пропадаетъ, такъ какъ онъ не нуженъ для удовлетворенья чьихъ бы то ни было потребностей. За ненадобностью онъ уже не въ состояніи вызвать общественное отношеніе, выражающееся въ процессѣ обмѣна. Трудъ, затраченный на изготовленіе этого излишка не будетъ уже имѣть, поэтому, значеніе общественно-необходимаго труда. Т. о. эти продукты не будутъ имѣть значенія ни потребительныхъ, ни мѣновыхъ стоимостей, т. е. не будутъ *товарами*. При косвенномъ опредѣленіи рынкомъ количества общественно-нужныхъ предметовъ, почти всегда часть труда теряется даромъ въ этихъ излишнихъ продуктахъ, а при промышленныхъ кризисахъ это явленіе можетъ принять грандіозные размѣры. Здѣсь и заключается рискъ предпринимателя, оплачивающаго рабочія количества продукта ранѣе его продажи.

Слѣдовательно въ опредѣленіи мѣновой стоимости товара имѣетъ мѣсто лишь общественно необходимый трудъ. Потребительная стоимость—результатъ *качественно* полезнаго труда для личнаго или чужого употребленія. Мѣновая стоимость—продуктъ *количественно* израсходованнаго труда и непремѣнно а) въ размѣрѣ, признанномъ необходимомъ для изготовленія данной вещи, b) для чужого, посторонняго употребленія, что только и придаетъ ей значеніе и форму товара.

Всякое общественное производство, въ томъ числѣ и товарное или капиталистическое имѣетъ своей первой цѣлью удовлетвореніе нуждъ членовъ данной общественной группы. Цѣль эта роковымъ образомъ связана съ вопросомъ самосохраненія послѣдней. Поэтому возможность изготовлять предметъ для другихъ общественныхъ группъ открывается только тогда, когда удовлетворены всѣ или почти всѣ наиболѣе существенныя потребности общественниковъ. Таковъ, насколько извѣстно, былъ историческій ходъ развитія внѣшней торговли наиболѣе жизнеспособныхъ обществъ.

Первоначально обмѣнъ совершался непосредственно: продуктъ вымѣнивался на продуктъ, издѣліе на издѣліе. Здѣсь каждый предметъ находилъ себѣ эквивалентъ въ другомъ или въ нѣсколькихъ другихъ предметахъ, на которые онъ вымѣнивался.

При внѣшнихъ торговыхъ сношеніяхъ мѣстные продукты вымѣнивались на привозные, обыкновенно менѣе многочисленные по своей раз-

новидности. Часто эти привозные продукты отличались особенностями, свойственными характеру той мѣстности, гдѣ они культивировались и изготовлялись и уже по одному этому выражались въ ограниченномъ числѣ предметовъ. Въ такихъ случаяхъ эти относительно рѣдкіе, особенные товары играли случайно и временно специфическую роль въ процессѣ обмѣна. Въ нихъ всѣ мѣстные произведенія находили выраженіе своего мѣнового отношенія, своей стоимости, находили свой общій эквивалентъ. Обратно и мѣстные продукты, по аналогичнымъ причинамъ, могли занять такое же положеніе по отношенію къ предметамъ ввоза. Пастушескія племена, напримѣръ, вели свой разсчетъ по обмѣну на головы крупнаго или мелкаго скота. Образчикомъ такого способа обмѣна и сейчасъ еще можетъ служить обычай мѣны на слоновую кость, практикуемый среди туземцевъ извѣстныхъ областей Африки, промышляющихъ ею. Здѣсь этотъ цѣнный продуктъ играетъ роль исключительнаго мѣнового товара по отношенію къ привознымъ. Шкуры дикихъ и вообще пушныхъ звѣрей, исполняютъ то же назначеніе у охотниковъ Америки и сѣверныхъ окраинъ Сибири.

Съ расширеніемъ операцій и области обмѣна нужда въ общемъ и постоянномъ для всѣхъ товаровъ выразителѣ ихъ стоимости, въ общемъ эквивалентѣ и посредникѣ для обмѣна становилось всё ощутительнѣе и настойчивѣе. Практически установившіяся требованія къ такому посредствующему товару заключаются, въ его портативности, легкой отчуждаемости, дѣлимости, возстановляемости изъ частей, малой измѣняемости и друг. свойствахъ. Наиболѣе подходящими для такого назначенія оказались первоначально металлы вообще, а затѣмъ, вытѣснившіе ихъ мало-по-малу, такъ называемые благородные металлы. Привычка и обычай постепенно закрѣпили за ними эту роль и они окончательно обратились въ спеціальный денежный товаръ или деньги. Такимъ образомъ, выразителемъ стоимости всѣхъ товаровъ, ихъ общимъ эквивалентомъ и посредникомъ обмѣна становятся деньги. Теперь, при обмѣнѣ каждое данное количество товара приравнивается не къ количеству другого, а къ опредѣленному количеству денегъ; x товара A=y денежнаго товара, а послѣднее=z товара C. Значитъ извѣстное количество денежнаго товара выражаетъ собою количественную пропорцію, въ которой вымѣнивается одинъ товаръ на другой. Но мѣновое количественное отношеніе товаровъ, есть отношеніе имѣющее общественное значеніе, поскольку оно будетъ выразителемъ равенства, эквивалентности общественно нужныхъ рабочихъ количествъ, заключающихся въ опредѣленномъ числѣ обмѣниваемыхъ товаровъ. Слѣдовательно, это отношеніе выразитъ равенство ихъ мѣновыхъ стоимостей. Отсюда: каждый изъ вымѣниваемыхъ товаровъ выразитъ свою мѣновую стоимость (заключающееся въ немъ количество общественно необходимаго рабочаго времени), въ соотвѣтственной суммѣ денегъ. Если мѣновыя

стоимости товаровъ равны, — то они выразятся въ одинаковомъ количествѣ денегъ и могутъ послѣдовательно вымѣниваться на нихъ — именно въ этомъ количествѣ. Мѣновыя стоимости товаровъ, выраженныя въ опредѣленномъ количествѣ денегъ, будутъ цѣною товаровъ. Такъ что, еслибъ каждая единица общественно необходимаго рабочаго времени, воплощенная въ товарахъ всей данной общественной группы, потребовала своего одновременнаго представительства въ деньгахъ, то сумма всего общественно необходимаго рабочаго времени (мѣновая стоимость всѣхъ товаровъ), должна бы была выразиться въ суммѣ цѣнъ всѣхъ этихъ товаровъ,—т.-е. въ соотвѣтствующемъ послѣдней количествѣ денегъ. Такимъ образомъ, деньги, есть общая форма выраженія мѣновой стоимости всякаго товара, или что то же,—количества общественно необходимаго рабочаго времени, заключающагося въ немъ.

Въ наше время потребитель, желающій купить какой-либо товаръ, какъ производитель,—можетъ проявить свою покупательную силу не въ непосредственно созданномъ имъ товарѣ, не въ его мѣновой стоимости, но въ общепризнанномъ выразителѣ послѣдней, въ общемъ эквивалентѣ мѣновыхъ стоимостей всѣхъ товаровъ вообще. Количество денежнаго товара, вырученное за продажу собственнаго издѣлія, опредѣляетъ покупательную силу потребителя, т.-е. количество общественно необходимаго рабочаго времени, заключавшагося въ его продуктѣ. Слѣдовательно, покупательная сила, желающаго пріобрѣсти разные товары,—дозволитъ ему получить лишь такое количество нужныхъ ему предметовъ, въ которыхъ величина мѣновой стоимости въ суммѣ, будетъ равна мѣновой стоимости проданнаго имъ собственнаго продукта, выразившейся въ суммѣ денегъ, полученной за его продажу. Такъ какъ проданный гипотетическимъ производителемъ товаръ, перешелъ въ сферу потребленія, а его мѣновая стоимость осталась въ рукахъ производителя его въ видѣ денегъ, то это производитъ впечатлѣніе, какъ-будто она перескочила въ эти деньги. „La valeur de marchandise sotte de son propre corps dans celui d'or“ (Marx. „Le capital“ p. 44). Лассаль говоритъ, что въ дѣйствительности никогда не происходитъ мѣна продуктовъ, а всегда ихъ мѣна на деньги. Такимъ образомъ, деньги суть выразители труда, оказавшагося общественно нужнымъ, что и выразилось фактически въ томъ, что продуктъ этого труда ушелъ въ сферу потребленія, оставивъ въ рукахъ его производителя свидѣтельство, дающее ему право пріобрѣсти нужныя для него предметы въ томъ количествѣ, которое заключаетъ въ себѣ такое же число единицъ общественно необходимаго рабочаго времени, какое заключалось въ его собственномъ продуктѣ.

Благородные металлы, сами по себѣ тѣ же товары, которые способны различными ихъ свойствами удовлетворять различнымъ потребностямъ. Они являются потребительными стоимостями, какъ предметы рос-

коши, какъ спеціальный матеріалъ въ зубоврачебномъ искусствѣ, въ области хирургіи, для различныхъ лабораторныхъ нуждъ и т. д. Сверхъ всего этого, ихъ потребительная стоимость, обнаруживается, въ способности удовлетворять нужду обществса въ денежномъ товарѣ, въ деньгахъ,—какъ средствѣ обмана. Тутъ они выступаютъ уже въ роли общаго для всѣхъ товаровъ эквивалента, тогда какъ каждый изъ товаровъ будетъ лишь особеннымъ, качественно различнымъ эквивалентомъ денегъ (Марксъ).

Въ выраженіи х товара А = у денежнаго товара — вторая половина уравненія будетъ выраженіемъ денежной формы товара А, его цѣною. Товары имѣющіе опредѣленные цѣны, слѣдуетъ понимать такъ: извѣстное количество товара, заключающаго въ себѣ опредѣленную стоимость, выражаетъ её въ опредѣленномъ же количествѣ денежнаго товара,—т.-е. благороднаго металла. Иначе говоря,—стоимость товара обнаруживается приравненіемъ ея къ извѣстному количеству благороднаго металла обозначеніемъ цѣны товара, въ цѣнѣ его. Такое приравненіе совершается мысленно. Значитъ—стоимости данныхъ количествъ различныхъ товаровъ, мысленно превращаются во столько же по числу *количествъ* благородныхъ металловъ, изъ которыхъ *каждое* отвѣчаетъ, соотвѣтственно, представляемому имъ товару; стоимости всевозможныхъ товаровъ, такимъ образомъ, становятся *количествами* опредѣленнаго наименованія благороднаго металла, *которыя* и принимаются за единицу мѣры стоимости. Такая единица мѣры (напр., вѣсовая), дѣлясь на части дѣлается масштабомъ количественнаго выраженія стоимости товаровъ въ опредѣленныхъ количествахъ благородныхъ металловъ, т.-е. масштабомъ цѣнъ (Марксъ).

И такъ: денежный товаръ, — благородные металлы, — являются; а) мѣрою стоимости, какъ воплощеніе человѣческаго труда, b) масштабомъ цѣнъ, какъ опредѣленное вѣсовое количество металла. Это подраздѣленіе масштаба благородныхъ металловъ получаетъ санкцію путемъ законодательства. *Цѣна*—это названіе (денежное) количества общественно необходимаго рабочаго времени, овеществленнаго въ товарѣ, въ его мѣновой стоимости. Значитъ,—наименованіе денежнаго знака одновременно означаетъ и вѣсовыя части благороднаго металла, т.-е. денежнаго масштаба и стоимость товара. Марксъ говоритъ: „Золото сдѣлалось идеальными деньгами или мѣриломъ стоимости потому, что всѣ товары измѣряли имъ свои стоимости (мѣновыя) и такимъ образомъ воображаемо противополагали ему свои натуральныя формы, какъ полезныя вещи, обращая его въ форму своей стоимости. Оно становится реальными деньгами вслѣдствіе всесторонняго отчужденія товаровъ".

При обмѣнѣ товаровъ, деньги служатъ посредникомъ и потому получаютъ значеніе средства обращенія. Замѣняя собою купленный товаръ, переходящій въ сферу потребленія, деньги сами остаются въ наличности, поэтому кажется будто не товары обращаются, выражая свое обращеніе

въ перемѣщеніи денегъ, а обратно. Между тѣмъ, деньги, только потому и пріобрѣтаютъ значеніе средства обращенія, что они представляютъ собою, какъ бы обособившуюся товарную мѣновую стоимость (Марксъ).

Такъ какъ одно и то же количество денегъ вымѣнивается въ дѣйствительности на цѣлый рядъ товаровъ въ процессѣ продажи-купли и послѣдовательныхъ перепродажъ и перекупокъ, то по Марксу сумма цѣнъ товаровъ, дѣленная на число оборотовъ одноименной монеты, равняется количеству денегъ, служащихъ средствомъ обращенія. Слѣдовательно, быстрота обращенія денегъ, замѣняетъ, до извѣстной степени, ихъ количество. Въ самомъ дѣлѣ: пусть послѣдовательно, вымѣнялись 4 товара. Сумма цѣнъ этихъ товаровъ пусть будетъ 8 рублей, а стоимость каждаго 2 руб. Число оборотовъ, которые сдѣлали эти 2 руб.— четыре. Дѣля сумму цѣнъ на число оборотовъ (т.-е. 8 : 4) — получимъ 2. Если мѣна совершится сразу,—для ея осуществленія нужно восемь руб., если послѣдовательно, то достаточно будетъ двухъ руб., которые должны будутъ обернуться 4 раза.

Товары, уходя изъ области обращенія и замѣняясь новыми,—вызываютъ обращеніе денегъ. Чѣмъ быстрѣе появленіе и исчезновеніе товаровъ, тѣмъ быстрѣе движеніе денегъ и обратно. Поэтому, въ случаѣ застоя въ торговыхъ оборотахъ,—движенія денегъ нѣтъ; *они невидимы*. Изъ того факта, что деньги не показываются, легко вывести заключеніе обратное истинной причинѣ этого явленія, т.-е., что товары не обращаются потому, что мало денегъ. Сиръ Дудлей Нортъ говоритъ: „такъ какъ деньги составляютъ общую мѣру покупки и продажи, то всякій, имѣющій что-либо продать и не находящій покупателя склоненъ думать, что недостача денегъ въ королевствѣ или странѣ, — причина того, что товаръ не идетъ съ рукъ; отсюда общая жалоба на недостатокъ денегъ: это большая ошибка... Чего же нужно кричащимъ о недостаткѣ денегъ?.. Фермеръ нуждается повидимому не въ деньгахъ, а въ цѣнѣ на свой хлѣбъ и скотъ, которые онъ хочетъ продать и не можетъ. ...Почему на его товаръ, нѣтъ цѣнъ? 1) Или слишкомъ много хлѣба и скота въ странѣ, слишкомъ много предложенія... 2) Существуетъ недостатокъ въ обычномъ вывозѣ за-границу... 3) Потребленіе умеиьшилось, когда люди, вслѣдствіе бѣдности тратятъ менѣе прежняго въ своемъ хозяйствѣ. Поэтому, не увеличеніе количества денегъ, улучшитъ сбытъ товаровъ фермера, но устраненіе одной изъ трехъ причинъ, угнетающихъ рынокъ. ...Точно такъ же нуждаются въ деньгахъ купцы и лавочники, т.-е. имъ не достаетъ сбыта ихъ товаровъ, вслѣдствіе того, что рынокъ въ застоѣ... нація процвѣтаетъ болѣе всего тогда, когда богатства переходятъ изъ рукъ въ руки“ (Марксъ, стр. 78, прим. 76).

Можно было бы подумать, что, еслибъ сиръ Нортъ жилъ не 200 лѣтъ тому назадъ, то онъ посвятилъ эти строки спеціально г. Ша-

рапову. Что наша большая бѣда въ невозможности сбыта продуктовъ искусственно вздутой промышленности, вслѣдствіе обнищанія мелкаго потребителя—это несомнѣнно. Причины и условія этого грустнаго положенія дѣлъ, превосходно выяснены въ статьѣ Г. Николая... онъ, помѣщенной въ февральской и мартовской книжкахъ „Русскаго Богатства", за 1902 годъ.

Эти причины, по своей фактической обоснованности, не имѣютъ ничего общаго съ „бумажнымъ рублемъ" заговорившагося публициста—и къ сожалѣнію, такъ какъ тогда они были бы легче устранимы. Приведу здѣсь же, слова депутата Германскаго Рейхстага М. Шиппеля: „Не недостатокъ въ золотѣ, а бѣдственное положеніе населенія ...низвергаетъ насъ... въ пропасть... убожества". (Пер. подъ ред. П. Струве. Спб. 1897 г., стр. 75). По мнѣнію Вильяма Петти [1]) количество денегъ, необходимое въ торговлѣ, зависитъ отъ частаго повторенія обмѣновъ и величины платежей.

Значитъ, чѣмъ оживленнѣе товарное обращеніе, тѣмъ меньшимъ количествомъ денегъ можно обойтись.

Цѣна, какъ извѣстно, есть денежное названіе общественно необходимаго рабочаго времени, — овеществленнаго въ товарѣ. Слѣдовательно „названіе" денегъ, т.-е. наименованіе денежнаго знака или монеты опредѣляетъ и стоимость товара и вѣсовыя части металла. Но наименованіе монеты и дѣйствительный ея вѣсъ утратили свое первоначальное сотвѣтствіе, вслѣдствіе причинъ, которыя указаны въ различныхъ экономическихъ работахъ и на которыхъ, поэтому, я не стану останавливаться.

Кромѣ того, благородные металлы, въ монетномъ видѣ истираются отъ обращенія и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ быстрѣе оно совершается. Эта причина, еще болѣе увеличиваетъ разницу между номинальнымъ и дѣйствительнымъ вѣсомъ монеты. Высокая цѣнность золота, а въ началѣ и серебра, служитъ препятствіемъ для утилизаціи ихъ при дробномъ разсчетѣ и для выполненія функціи размѣнныхъ денегъ, что вынудило прибѣгнуть къ помощи болѣе дешевыхъ металловъ, нѣкогда ими вытѣсненныхъ изъ сферы торговаго обращенія, какъ къ ихъ суррогатамъ. Въ области мелкой и слѣдовательно самой ходкой торговли, эти суррогаты благородныхъ металловъ отвоевываютъ себѣ прежнее значеніе и вытѣсняютъ ихъ. Вѣсовыя ихъ количества представляя и замѣняя мелкія вѣсовыя части драгоцѣнныхъ металловъ и довольно либерально опредѣляемыя, изнашиваются еще быстрѣе. Поэтому, несоотвѣтствіе ихъ номинальныхъ и дѣйствительныхъ вѣсовыхъ количествъ, становится еще значительнѣе. „Эти мелкія монеты (бронзовыя или мѣдныя), не настоящія монеты, а только представительные знаки золотыхъ и серебряныхъ монетъ, потому что веще-

[1]) Англійскій врачъ, экономистъ и общественный дѣятель (1629—1687 г.).

ство, изъ котораго онѣ сдѣланы, не имѣетъ той цѣны, которую онѣ представляютъ. Франкъ, напр., есть цѣнность серебряннаго кружка, содержащаго 4, 5 gramm'a чистаго благороднаго металла, но монеты въ 1, 2, 5 и 10 сантимовъ, не содержатъ на 1, 2, 5 и 10 сотыхъ франка цѣнности бронзы. Цѣнность этихъ монетъ, составляетъ только $^3/_4$ цѣнности представительныхъ металлическихъ знаковъ въ 1, 2, 5 и 10 сотыхъ франка. Ихъ сдѣлали такими для того, чтобъ онѣ были возможно менѣе обременительными и соотвѣтствовали метрическому вѣсу. (Гарнье, стр. 110).

Такимъ образомъ, значеніе монеты, все болѣе и болѣе обособлялось отъ ея вѣса, отъ фактическаго соотвѣтствія съ мѣновою стоимостью товара, такъ что теперь въ монетахъ, относительно символически выражается мѣновая стоимость обмѣнивающихся продуктовъ. Отсюда одинъ шагъ до бумажныхъ денегъ, уже чисто символически выражающихъ и стоимость товаровъ, и металлическія деньги, и въ концѣ концовъ ненавистный г. Шарапову—трудъ (общественно необходимый). Эти клочки бумаги, съ обязательнымъ установляемымъ государствомъ курсомъ и будутъ — бумажныя деньги. Какъ символическіе образы, извѣстныхъ, вѣсовыхъ количествъ благородныхъ металловъ (монетъ), онѣ въ своемъ движеніи, будутъ только отражать всѣ законы дѣйствительнаго денежнаго обращенія. Для соотвѣтствія ихъ номинальнаго и фактическаго значенія, ихъ количество должно соотвѣтствовать тому количеству монетъ, которое онѣ символизируютъ нарицательно въ процессѣ обмѣна, т.-е. тому minimum'у металлическихъ денегъ, которые находится въ постоянномъ обращеніи въ данной странѣ. Только этотъ minimum и можетъ быть замѣненъ бумажными деньгами. Если же количество ихъ превыситъ его, то соотвѣтственно этому, онѣ сами упадутъ, такъ что, если ихъ количество превыситъ вдвое вышеупомянутый minimum, то каждый бумажный знакъ, будетъ представлять лишь половину того количества денегъ, которое они изображаютъ номинально. Minimum же денегъ, находящихся въ обращеніи, какъ извѣстно, косвенно опредѣляется рынкомъ и зависитъ отъ размѣра потребностей даннаго общества и его покупательной силы, т.-е. степени его производительности и высоты техническаго развитія.

Отношеніе бумажныхъ денегъ, къ мѣновымъ стоимостямъ товаровъ, заключается въ томъ, что послѣднія мысленно выражаются въ такихъ количествахъ вѣсовыхъ частей благородныхъ металловъ, которыя символически представлены лоскутками бумаги. Бумажныя деньги, знаки стоимости лишь постольку, поскольку онѣ представляютъ благородные металлы, обладающіе, какъ и всякій товаръ стоимостью (Марксъ). Необходимость, для бумажныхъ денегъ, считаться съ minimum'омъ денежнаго товара, денегъ (металлическихъ) подтверждаетъ печальная судьба нашего бумажнаго рубля, недавняго прошлаго, спускавшагося къ поло-

винѣ своей нарицательной стоимости. Это грустное явленіе, послужило тогда мотивомъ для ѣдкихъ, остроумныхъ, полныхъ горечи выходокъ, знаменитаго клоуна Дурова.

Всякому, кто оглянется на прошлое мѣновой торговли, не можетъ не броситься въ глаза, что въ давнія времена роль случайныхъ денегъ временно игралъ тотъ или другой товаръ, въ которомъ, въ такомъ случаѣ, всѣ остальные выражали свою мѣновую стоимость. Этотъ фактъ выясняетъ, что въ основѣ значенія денегъ лежитъ ихъ собственная мѣновая стоимость, т. е. извѣстное количество общественно необходимаго труда. „Въ строгомъ смыслѣ каждый товаръ могъ бы служить монетою, т. е. цѣнность извѣстнаго количества какого нибудь товара можетъ служить для сравненія, для мѣры другихъ стоимостей. Такъ напр. въ Спартѣ употребляли вмѣсто монетъ—куски желѣза; первобытнымъ Римлянамъ служила для этой цѣли—мѣдь; въ Абиссиніи употреблялась соль, въ Нью-Фаундленѣ—треска; въ Шотландіи—гвозди; въ Россіи—кожа; въ Мексикѣ какао; монетою многихъ другихъ странахъ хлѣбныя зерна. Такимъ образомъ въ Индіи и теперь еще служатъ ужевки (cauris или coris) и тѣ или другія раковины у разныхъ народовъ въ Азіи и Африкѣ. (Гарнье. стр. 101). L'or et l'argent ont leur valeur comme meteaux, avant qu'ils deviennent monnaie“ (Galiani. Karl Marx. Le capital“ p. 37). По Миллю золото и серебро, *подобно всѣмъ товарамъ*, имѣютъ внутреннюю цѣнность, зависящую отъ количества труда и капитала, употребленныхъ на ихъ производство. Цѣнность денегъ есть ихъ покупательная сила, а цѣнность предметовъ выраженная въ деньгахъ—составляетъ ихъ цѣну. „По мѣрѣ развитія мѣновыхъ отношеній является потребность во всеобщемъ орудіи обмѣна. Такимъ орудіемъ дѣлается какой либо наиболѣе ходкій товаръ. Постепенно роль эта переходитъ къ одному виду товаровъ, къ драгоцѣннымъ металламъ... мѣновая стоимость этихъ товаровъ, какъ и всѣхъ другихъ, въ конечномъ счетѣ опредѣляется издержками на ихъ производство, которыя всѣ, въ свою очередь, могутъ быть сведены къ затратѣ живого труда.....“ (Предисловіе П. Струве къ переводу „Денежное обращеніе и его общественное значеніе“ М. Шиппеля. Стр. II. Спб. 1897 г.). „...Такъ какъ золото и серебро суть *товары*, то цѣнность звонкой монеты имѣетъ тѣ-же основанія какъ и цѣнность другихъ вещей“. (Гарнье). „Мѣновой процессъ не придаетъ *товару* превращаемому имъ въ деньги его стоимости, онъ только дѣлаетъ его формою стоимости другихъ товаровъ (Марксъ).

Предположеніе, что товары вступаютъ въ область обращенья безъ мысленнаго выраженья ихъ мѣновой стоимости въ извѣстныхъ вѣсовыхъ количествахъ благороднаго металла, т.-е. безъ цѣны, а деньги безъ стоимости, т.-е. не какъ денежный *товаръ*, имѣющій собственную мѣновую стоимость, а лишь исполняющій особую общественную функцію, могло

повести къ ошибочному выводу, что количество потребительныхъ стоимостей прямо опредѣляется количествомъ благороднаго металла въ странѣ (Montesquieu) или, какъ у Локка, къ отрицанію всякой стоимости денегъ и отождествленія послѣдней съ ихъ количествомъ.

Очень близко, до самыхъ близкихъ степеней родства съ идеей „бумажнаго рубля" Г. Шарапова стоитъ мнѣніе Фуллартона: „...что до нашихъ обмѣновъ внутри страны, то всѣ отправленія денегъ, выполняемыя обыкновенно золотыми и серебрянными монетами, могли бы, съ одинаковымъ успѣхомъ, выполняться неразмѣнными билетами, не имѣющими иной стоимости, кромѣ той искусственной и условной, которую имъ даетъ законъ; это фактъ, который, по моему мнѣнію, не подлежитъ отрицанію. Такого рода стоимость можетъ пріобрѣсти всѣ преимущества внутренней стоимости, при томъ однако-же условіи, чтобъ выпускъ былъ ограниченъ требуемыми предѣлами". „Стало быть", добавляетъ съ ироніей Марксъ, „если денежный товаръ можетъ быть замѣненъ въ обращеніи знаками стоимости, то онъ становится излишнимъ и какъ мѣра стоимости и какъ масштабъ цѣнъ!" (Марксъ. Капиталъ т. I стр. 84).

Такое предположеніе совершенно равносильно заключенію чиновника паспортной конторы, что если существуютъ паспорта, въ которыхъ отмѣчены имена, фамиліи, возрастъ, различныя примѣты людей, то самыхъ людей не нужно. На такихъ соображеніяхъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ пытался осуществить свою геніальную операцію съ мертвыми душами, но извѣстно къ чему повела эта смѣлая затѣя.

„Представительные знаки монеты, напр. банковые билеты отличаются отъ монеты тѣмъ, что эта послѣдняя сама въ себѣ носитъ свою внутреннюю цѣнность, что она въ одно и то-же время и знакъ и залогъ цѣнности за которую она ходитъ, тогда какъ банковый билетъ не болѣе какъ знакъ. (Билетъ государственнаго казначейства, bon de tresor или банковый билетъ), курсъ котораго предписанъ правительствомъ". (Гарнье. с. 116). „Онѣ (бумажныя деньги) всюду являются тѣсно связанными съ тѣми металлическими деньгами, которымъ онѣ приходятъ на смѣну". (П. Струве).

Богатство деньгами, говоритъ Mercier de la Rivière[1]), есть ничто иное, какъ богатство продуктами, превращенными въ деньги. Стоимость продуктовъ измѣнила только свою форму. Продуктъ какъ потребительная стоимость, т.-е., какъ удовлетворяющій индивидуальному вкусу или нуждѣ предметъ, пріобрѣтенный въ этихъ цѣляхъ имѣетъ непосредственное соотношеніе съ потребностью купившаго его. Тутъ онъ уже выходитъ, по совершенію купли, изъ сферъ своего общественнаго значенія гдѣ онъ фигурировалъ, какъ мѣновая стоимость и представлялъ общест-

[1]) Физіократъ. Авторъ „Естественнаго порядка политическихъ обществъ".

венное отношеніе. Мѣновая стоимость, говоритъ Галіани [1]), это отношеніе между двумя лицами (продавцемъ и покупателемъ), „скрытое подъ вещественною оболочкою вымѣниваемыхъ товаровъ",—добавляетъ Марксъ. Это отношеніе состоитъ въ отношеніи же общественно необходимыхъ рабочихъ количествъ, заключающихся въ товарахъ и измѣренныхъ единицами рабочаго времени. Оно находитъ себѣ выраженіе въ вѣсовыхъ единицахъ, въ доляхъ денежнаго товара, составляющихъ цѣну предназначаемыхъ къ продажѣ продуктовъ. Слѣдовательно цѣна есть мысленное, идеальное выраженіе мѣновой стоимости товаровъ.

Какъ посредникъ при обмѣнѣ товаровъ, слѣдовательно какъ средство ихъ обращенія—денежный товаръ, деньги принимаютъ форму и значеніе монеты. Бумажныя деньги символически выражаютъ вѣсъ металла въ той монетѣ, которую онѣ замѣняютъ. Такимъ образомъ металлическія деньги (денежный товаръ), обладая свойствомъ олицетворять собою доли общественныхъ рабочихъ количествъ, заключающихся въ обмѣниваемыхъ товарахъ, удовлетворяютъ въ то-же время общественной же потребности въ средствѣ обращенія продуктовъ. Соотвѣтственно этому и представители ихъ minimum'а, не выходящаго изъ сферы обращенія,—бумажныя деньги,—имѣютъ въ той-же мѣрѣ общественное значеніе. Онѣ имѣютъ послѣднее именно потому, что представляютъ собою извѣстныя доли общественнаго достоянія, — труда, — необходимаго для удовлетворенія общественныхъ же нуждъ.

Металлическія деньги потому имѣютъ общественное значеніе, что по количеству заключеннаго въ ихъ металлической субстанціи общественнаго труда, онѣ суть однородныя другимъ стоимостямъ продукты, слѣдовательно мѣновыя же стоимости и, какъ таковыя, соизмѣримы съ остальными товарами. Въ силу-же общественной нужды въ средствѣ обращенія, своихъ специфическихъ свойствъ и общественныхъ привычки и соглашенія, онѣ пріобрѣтаютъ постепенно исключительное значеніе какъ выраженіе и мѣрило стоимостей всѣхъ товаровъ,—какъ масштабъ цѣнъ и средство обращенія, въ формѣ монеты. Значитъ и бумажныя деньги являются символическими представителями этихъ свойствъ того minimum'а металлическихъ денегъ, которое не выходитъ изъ сферы постояннаго обращенія.

„Цѣнность монеты устанавливается помимо государственной власти. Такъ какъ золото и серебро суть товары, то цѣнность звонкой монеты имѣетъ тѣ-же основанія, какъ и цѣнность другихъ вещей... Еслибъ, что однако невозможно, власть постановила „...что однофранковая монета, содержащая 4, 5 gramm'а чистаго серебра, стоитъ 2 франка, и допустила бы это опредѣленіе не удвоивъ количества содержимаго этою монетою

[1]) Авторъ: „Dialogues sur la commerce des blés".

серебра, то хозяева продуктовъ не замедлили бы удвоить на нихъ цѣну... исторія намъ показываетъ что не смотря на ихъ хитрости и налагаемыя наказанія они (прежнія правительства Франціи) никогда не успѣвали придать монетѣ другую цѣнность кромѣ той, какую дѣйствительно имѣли золото и серебро, составлявшія ея внутреннее содержаніе". (Гарнье стр. 104).

Если-бы, говоритъ Petty, богатство народовъ могло быть удесятерено манифестомъ, увеличивающимъ номинальную стоимость монеты, то удивительно какъ правители давно не догадались выпустить такіе манифесты (Марксъ. „Капиталъ" стр. 61, прим. 61).

Насколько малое значеніе имѣетъ государственная власть въ установленіи цѣнности монеты видно изъ словъ, уже цитированнаго раньше, депутата Германскаго Рейхстага Шиппеля: „... каждый по закону обязанъ принимать въ платежи по опредѣленному въ законѣ въ неограниченномъ количествѣ, наравнѣ съ золотомъ, курсу серебрянные доллары, таллеры, пятифранковики? Но въ томъ-то и дѣло, что, *даже внутри страны*, не все то, что выдается за законъ, есть въ дѣйствительности законъ. Приведемъ для примѣра опытъ Германіи: сколько разъ всѣ правительственныя кассы дѣлали попытку пустить въ оборотъ возможно большую часть своего запаса таллеровъ. Имперскій Банкъ подсовывалъ почтѣ и другимъ посредствующимъ учрежденіямъ свое серебро, почта и другія учрежденія старались по возможности производить свои платежи серебромъ, и всякій разъ оборотъ выбрасывалъ обратно серебро почти въ томъ же количествѣ, въ какомъ самъ получалъ; серебро это снова возвращается въ тѣ-же кассы, откуда оно первоначально вышло, такъ что въ настоящее время... внутреннему обороту не навязываютъ больше плохо перевариваемаго имъ серебра, чѣмъ оно ему нужно. Такимъ путемъ въ кассахъ Имперскаго Банка изъ года въ годъ накопляется большее количество серебра... Въ Соединенныхъ Штатахъ большая часть серебрянныхъ долларовъ осталась въ Государственномъ казначействѣ. Приложены были всѣ старанія къ тому, чтобъ вогнать ихъ въ каналы внутренняго обращенія... все было напрасно... чтобъ выйдти изъ такого положенія, были выпущены вмѣсто этого серебрянныя депозитныя квитанціи... Установленный курсъ,—искусственное равенство между золотою и серебрянною монетою разлетится... въ прахъ; серебрянная монета начнетъ тогда, подобно обезцѣненнымъ бумажнымъ деньгамъ, колебаться въ своей цѣнности... въ предѣлахъ между номинальною своей цѣной... и металлическою своею цѣнностью, по дѣйствительной рыночной цѣнѣ серебра"— т. е. отъ 3-хъ до $1^1/_2$ марокъ. (Денежное обращеніе и его обществ. значеніе. Стр. 15—16).

Эти ссылки иллюстрируютъ въ достаточной мѣрѣ вліяніе свободной воли человѣка на металлическія деньги. Уже и теперь должно бы

было достаточно выясниться, что бумажныя деньги, имѣющія значеніе лишь символовъ металлическихъ, не могутъ пріобрѣсти самостоятельныхъ свойствъ специфическаго характера по отношенію къ свободной волѣ человѣка. Однако вотъ и спеціальныя справки по этому поводу: „Опытъ показалъ, что не смотря на самыя строгія предписанія и даже наказанія, самыя жестокія, цѣнность бумажныхъ денегъ совершенно падаетъ, если залогъ не представляетъ достаточныхъ гарантій и если онѣ выпущены въ количествѣ превышающемъ потребности обращенія". (Гарнье, стр. 117).

„Въ Россіи... количество бумажныхъ денегъ... составляло въ 1853 г. 333 милл. рублей, а въ 1857, почти вдвое болѣе—735 милл. руб. Послѣдствія такого выпуска... извѣстны—всеобщее возвышеніе цѣны товаровъ и недвижимыхъ собственностей... Въ 1809 г. ихъ (ассигнацій) въ оборотѣ было 533 милліоновъ, что... далеко превосходило потребности промысловъ, такъ что ассигнаціи потеряли 56% въ своемъ курсѣ. Въ манифестѣ 2 февраля 1810 г. — прямо былъ заявленъ тотъ фактъ, что „сравнительное достоинство ассигнацій въ отношеніи къ серебру понизилось; цѣны на всѣ вещи возрасли; разныя состоянія людей потерпѣли отъ сего великое отягощеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ высказано было, что черезъ пониженіе курса ассигнацій доходы казны упали во всѣхъ частяхъ болѣе чѣмъ вдвое". (Горловъ. Начала политической экономіи. Спб. 1859, стр. 455—456).

Увы, свободная воля и тутъ—не причемъ! Грезы въ духѣ Г. Шарапова, будутъ ли онѣ золотыя или бумажныя одинаково здѣсь не у мѣста и споръ въ этомъ смыслѣ имѣетъ одинаковое практическое значеніе и результаты какъ не менѣе „оригинальный и самобытный" споръ музыкантовъ въ баснѣ Крылова „Квартетъ".

Въ итогѣ: всѣ товары заключаютъ въ себѣ мѣновую стоимость, которая есть ничто иное, какъ извѣстное количество общественно необходимаго труда, сведеннаго къ физіологическимъ тратамъ организма рабочихъ (или стоимости необходимыхъ средствъ для ихъ возстановленія и удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ трудящихся). Они выражаютъ ее въ денежномъ товарѣ или деньгахъ, ихъ общемъ эквивалентѣ. Такимъ образомъ деньги будутъ специфическою формою мѣновой стоимости или, что то-же,—формою общественныхъ рабочихъ количествъ. Какъ посредникъ при обмѣнѣ товаровъ деньги являются мѣриломъ общественно необходимаго труда, составляющаго ихъ стоимость и поэтому въ опредѣленномъ ихъ количествѣ выражаются цѣны товаровъ. Вѣсовыя подраздѣленія денежнаго товара дѣлаютъ его масштабомъ цѣнъ продуктовъ, т. е. масштабомъ тѣхъ-же количествъ общественнаго труда, выражаемаго въ единицахъ рабочаго времени. Какъ средство обращенія, въ формѣ монеты, имѣющей свою, отвѣчающую товарному значенію ея матеріала, стоимость—*деньги* будутъ опять таки специфическимъ выраженіемъ

труда—какъ общественной субстанціи. Символизирующія ихъ бумажныя деньги—будутъ слѣдовательно символомъ послѣдней. Связь ихъ съ нею настолько велика, что онѣ только тогда не теряютъ своего подлиннаго нарицательнаго (номинальнаго) значенія, когда ихъ количество отвѣчаетъ суммѣ цѣнъ средняго minimum'а обращающихся товаровъ раздѣленной на число оборотовъ одноименной монеты. Иначе говоря соотвѣтствіе ихъ съ наименованіемъ требуетъ, чтобъ символизируемая ими сумма денегъ отвѣчала частному происшедшему отъ дѣленія суммы единицъ общественнаго труда, представленнаго въ совокупности цѣнъ minimum'а обращающихся товаровъ, на число оборотовъ одноименной монеты, изъ которыхъ каждая выражаетъ стоимость опредѣленнаго количества того-же труда. Понятно, что такое частное будетъ ничѣмъ инымъ, какъ нѣкоторымъ количествомъ того-же труда, общественной субстанціи столь ненавистной Г. Шарапову. Выходитъ, что бумажныя деньги только потому имѣютъ общественное значеніе, что символизируютъ все тотъ-же человѣческій общественно необходимый трудъ, который упразднилъ ихъ защитникъ и пророкъ.

Теперь остается только выяснить: почему-же деньги и особенно бумажныя не могутъ представить непосредственно рабочаго времени напр. въ видѣ свидѣтельства, выдаваемаго работнику, о количествѣ отработанныхъ имъ часовъ?

Но это послѣднее въ такомъ случаѣ обозначало бы лишь личный трудъ, не имѣло бы объективнаго значенія и могло бы имѣть мѣсто при общественной формѣ производства только въ общинной ассоціаціи. А это далеко не одно и то-же, что общественно необходимое рабочее время и трудъ въ такой общественной группѣ, гдѣ царитъ капиталистическая форма производства. Знаменитый утопистъ Робертъ Оуэнъ пытался осуществить эту идею въ своей общинѣ Нью-Гармони, основанной имъ въ 1825 г. въ Сѣверной Америкѣ, въ штатѣ Индіанѣ. Эта попытка окончилась неудачею и разореніемъ Оуэна уже черезъ семь лѣтъ.

И такъ: бумажныя деньги только какъ символическіе знаки, какъ представители денежнаго товара т р. благородныхъ металловъ и ихъ общественной функціи и только въ количествѣ, опредѣляемомъ ихъ minimum'омъ, находящемся въ постоянномъ обращеніи, имѣютъ „нормальное" значеніе. Изъ этого отношенія ихъ къ металлическимъ деньгамъ возникаетъ ихъ собственная символическая стоимость и постоянство, т. е. соотвѣтствіе съ наименованіемъ. Довѣріе къ правительству здѣсь можетъ заключаться только въ томъ, что оно не выпуститъ излишка бумажныхъ денегъ. Ихъ излишекъ будетъ представлять собою эквивалентъ несуществующихъ товаровъ. Это будутъ фальшивыя деньги.—Плохой аргументъ для довѣрія. Колоссальный крахъ Джона Ло—достаточно наглядный историческій памятникъ неосторожнаго отношенія къ бумажнымъ деньгамъ.

Ни свободная воля человѣка, ни довѣріе къ правительству, ни пестрыя потребности людей, ни добросовѣстная оцѣнка условій сельскаго труда (да еще упраздненнаго), ни средняя равнодѣйствующая, такъ и оставшаяся подъ покрываломъ Изиды, ни даже сокрушительныя умозрѣніе и логика Г. Шарапова не оказались здѣсь у дѣла и не имѣли никакого приложенія.

Промышленная вялость оказалась не только не стоящей въ прямой причинной связи съ количествомъ денегъ, а въ обратной. Чѣмъ оживленнѣе обмѣнъ на рынкѣ, чѣмъ больше совершается сдѣлокъ, тѣмъ меньше нужно денегъ. Число же сдѣлокъ зависитъ отъ размѣра покупательной способности потребителя, а послѣдняя—отъ его дѣятельности какъ производителя, т. е. размѣромъ его участія въ общественномъ трудѣ, въ видѣ доставляемыхъ имъ на рынокъ продуктовъ, имѣющихъ цѣлію удовлетвореніе нуждъ другихъ членовъ общества. Ему приходится считаться со степенью производительности личнаго труда, по сравненію съ таковою-же другихъ производителей однороднаго продукта. Поэтому его личный трудъ проявитъ свою покупательную силу лишь настолько, насколько онъ будетъ соотвѣтствовать общественному труду, сведенному къ его физіологической основѣ и техническому совершенству производства въ данную эпоху, труду, заключенному какъ въ его такъ и во всѣ другіе продукты другихъ производителей. Такъ что, если работникъ вложитъ въ свое издѣліе напр. 10 часовъ собственнаго труда, но средняя производительность опредѣляетъ 5 часовъ, какъ время достаточное для выработки подобнаго предмета, то онъ и получитъ плату только за 5 часовъ. И въ такихъ условіяхъ будутъ находиться всѣ продавцы—покупатели.

Вслѣдствіе выясненныхъ уже выше причинъ, только по удовлетвореніи всѣхъ потребностей данной общественной группы, предъявленными на внутренніе рынки товарами, можетъ возникнуть вопросъ объ претензіяхъ на участіе въ торговлѣ на всемірномъ рынкѣ.

Количество денежныхъ знаковъ — монетъ и ихъ символическихъ представителей бумажныхъ денегъ опредѣляется, какъ извѣстно, быстротою обращенія товаровъ, т.-е. количествомъ сдѣлокъ или перемѣщеній денегъ, а это послѣднее, въ свою очередь, размѣромъ суммы потребностей общества и покупательною силою ихъ, тѣсно связанною со степенью производительности ихъ труда.

Отсюда очевидно, что богатство страны опредѣляется не количествомъ денегъ, не матеріаломъ, изъ котораго онѣ сдѣланы, а всей суммою производительнаго труда народа, совершенствомъ орудій производства, покупательною силою отдѣльныхъ единицъ и шириною всенародныхъ подробностей. Прямымъ послѣдствіемъ этихъ условій является быстрота

обращенія товаровъ. Вотъ всѣ элементы устойчивости производства, которая и выразится въ оживленномъ обмѣнѣ и въ крупномъ поглощеніи товаровъ сферою потребленія.

Разъ мѣновыя стоимости—продукты производительной дѣятельности промышленныхъ учрежденій будутъ обезпечены въ сбытѣ, т.-е. реализированія и этотъ сбытъ будетъ служить прочнымъ и постояннымъ стимуломъ для произведенія ихъ, то и спеціальная форма ихъ,—деньги,—будутъ отличаться устойчивостью и постоянствомъ, свидѣтельствующими о прочности и устойчивости сферы производства. Вотъ гдѣ и будутъ лежать причины и условія постоянства денегъ и ихъ внутренней стоимости (цѣнности), внѣ зависимости отъ матеріала, изъ котораго онѣ сдѣланы.

Что касается до тревогъ о количествѣ денегъ, то вотъ, помимо всего выше сказаннаго, интересная ссылка: „На вопросъ: еслибъ представилась необходимость произвести уплату на 40.000,000 въ годъ, было ли бы достаточно тѣхъ 6 милліоновъ золотомъ, какія требуетъ торговля? Petty съ своимъ обычнымъ мастерствомъ отвѣчаетъ: „Я отвѣчаю—да; если издержки будутъ простираться до 40 милліоновъ и если обороты будутъ происходить въ такіе короткіе промежутки времени, какъ напр., недѣля, какъ это бываетъ у бѣдныхъ мастеровъ и работниковъ, которые получаютъ и платятъ каждую субботу, тогда для этой цѣли будетъ достаточно $^{40}/_{50}$ частей одного милліона, но если эти періоды будутъ 3-хъ мѣсячные... тогда потребуется 10 милліоновъ. Предположивъ же, что платежи, производятся вообще черезъ смѣшанные промежутки отъ недѣльнаго до 13 недѣльнаго, тогда сложивъ 10 милліоновъ и $^{40}/_{52}$ милл. и, раздѣливъ на 2, получимъ $5^1/_2$, такъ что если у насъ будетъ $5^1/_2$ милл., то этого совершенно достаточно“ (Марксъ. Т. I, стр. 99. Прим. 106).

Такимъ образомъ, выясняется, что постоянство и устойчивость внутренней стоимости денегъ, а въ частности и ихъ символическихъ представителей — бумажныхъ знаковъ, зависитъ отъ устойчивости хозяйственно-экономическихъ отношеній, а количество — отъ быстроты и объема обращенія товаровъ, которое, въ свою очередь опредѣляется покупательною силою производителя и степенью техническаго совершенства его труда.

Громадное территоріальное протяженіе Россіи и многомилліонное ея населеніе, въ силу естественно-экономическихъ условій, занятое преимущественно земледѣльческимъ трудомъ, сразу открываетъ широкое поле, разнымъ отраслямъ промышленности,—но именно ради удовлетворенія народныхъ потребностей. На нашихъ внутреннихъ рынкахъ, можетъ совершаться въ грандіозныхъ размѣрахъ реализація мѣновыхъ стоимостей товаровъ при обращеніи ихъ. Самыя климатическія условія, связывающія,

въ огромномъ большинствѣ случаевъ, нашу промышленную дѣятельность одногодовымъ оборотомъ,—согласуютъ её со временемъ открывающейся для земледѣльца возможностью, проявить свою покупательную силу по продажѣ его продукта. Численность, именно этой части населенія, неизбѣжно выдвигаютъ ее на первый планъ, въ сферѣ вопросовъ экономическаго порядка.

Въ интересахъ самосохраненія всякой общественной группы, а тѣмъ болѣе, такого громаднаго государства, какъ Россія, главное стремленіе экономической жизни, должно быть направлено на удовлетвореніе наиболѣе насущныхъ потребностей класса, составляющаго огромное большинство населенія. Слѣдовательно, у насъ, экономическою задачею государства, является прежде всего,—постановка въ наиболѣе благопріятныя условія крестьянства. Поднятіе производительности труда землепашца, широкое изученіе всѣхъ данныхъ, способствующихъ развитію агрикультуры, устраненіе всякихъ вредныхъ на нее вліяній, подъемъ интеллектуальнаго уровня крестьянина, распространеніе среди народа знаній, относящихся прямо и косвенно къ земледѣлію, облегченіе всѣми способами условій сельскаго труда, покровительство тѣмъ отраслямъ производства, которыя необходимы или соприкасаются съ обработкою земли, облегченіе для землепашца — сбыта и пользованія рынкомъ — вотъ истинно высокая задача, которую долженъ понимать каждый гражданинъ, каждый общественный дѣятель, дѣйствительно желающій добра русскому народу.

При наличности такихъ условій, многомилліонное крестьянское населеніе съ его запросами и возможностью имъ удовлетворять — будетъ обладать колоссальною покупательною силою и способностью для оживленія внутренняго рынка и слѣдовательно для поднятія цѣлесообразно направленной промышленности.

Каково же въ дѣйствительности положеніе нашего земледѣльца?

Онъ несетъ косвенные налоги вмѣстѣ съ остальнымъ населеніемъ и доля доходовъ съ него, уже благодаря его численности, представляется наиболѣе крупною. Но сверхъ того, онъ уплачиваетъ и прямыя подати. На немъ лежатъ выкупные платежи и другія повинности. При этомъ собираемыя съ него средства идутъ не на облегченіе и усовершенствованіе земледѣльческаго труда, не на поднятіе агрикультуры, не на развитіе необходимыхъ для крестьянства земледѣльческихъ и ремесленныхъ школъ и т. д., а на пособіе другимъ отраслямъ промышленности, предназначаемымъ главнымъ образомъ для того, чтобъ выдвинуть Россію въ качествѣ конкуррента другимъ, изстари промышленнымъ странамъ, на міровомъ рынкѣ. И какихъ жертвъ не приносилось ради этой цѣли! Укажемъ на нѣкоторыя.

Непомѣрно высокія пошлины на предметы ввоза, напр,, земледѣльческія орудія и связанныя съ ними приспособленія, дѣлавшія ихъ недоступными для крестьянства. Между тѣмъ, этотъ родъ промышленности почти отсутствуетъ въ Россіи и ея издѣлія отличаются невысокимъ качествомъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ постановка сахарнаго производства, обезпечивающая заграничному потребителю болѣе дешевое пользованіе продуктомъ, чѣмъ внутреннему!

Громадныя затраты были произведены на устройство, такъ называемыхъ подъѣздныхъ путей. Но эти желѣзнодорожныя вѣтки связывали съ кардиналями крупныя промышленныя предпріятія, минуя хлѣбородныя мѣстности или задѣвая ихъ лишь случайно.

Чудовищное и безтолковое истребленіе лѣсовъ вызвало климатическія измѣненія въ высокой степени неблагопріятныя для обработки земли. Послѣдствіемъ этого же грустнаго обстоятельства—было—передвиженіе песковъ изъ степей западной Азіи, засыпавшихъ обширный земледѣльческій раіонъ. Сюда же нужно отнести послѣдующее обмеленіе рѣкъ, этихъ естественныхъ удобныхъ и дешевыхъ путей сообщенія, особенно чувствительное, въ виду игнорированія интересовъ земледѣлія при проведеніи желѣзныхъ дорогъ и по истинѣ невозможнаго состоянія проселочныхъ...

Горячка въ области желѣзодѣлательной промышленности вызвала порчу почвы при поискахъ минеральныхъ богатствъ въ мѣстностяхъ, гдѣ ранѣе процвѣтало хлѣбопашество. Легкомысленное и почти во всѣхъ случаяхъ оказавшееся ошибочнымъ стремленіе къ быстрой наживѣ!

Преувеличенныя надежды на богатство залежей минеральныхъ богатствъ, основанное на поверхностныхъ и неточныхъ исчисленіяхъ представителей нашего горнозаводскаго дѣла, не оправдались и повели къ окончательному истребленію жалкихъ остатковъ лѣсовъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ.

Примѣненіе лѣсоохранительныхъ законовъ—заставляетъ желать очень и очень многаго. Ловкіе обходы ихъ и всевозможныя ухищренія въ этой области обыденны, особенно съ водвореніемъ иностранцевъ въ сферѣ нашей промышленности, чужеземцевъ, для которыхъ чужды интересы страны, представляющей временную арену ихъ дѣятельности.

Деморализація населенія заводско-фабричными нравами и укладомъ жизни пошатнула прежде всего устои деревенской жизни, расшатало семью, понизило нравственность. Прикоснувшійся къ этому міру человѣкъ—уже плохой крестьянинъ—пахарь. Между тѣмъ въ порывѣ промышленныхъ увлеченій дѣло дошло до мечтаній объ искусственномъ образованіи промышленнаго пролетаріата, въ недостаткѣ котораго усматривалась одна изъ причинъ отсутствія широкихъ успѣховъ въ сферѣ искусственно же вздуваемой промышленности!

Постановка народнаго образованія, отъ низшей школы до высшей включительно, совершенно оторвана отъ коренныхъ основъ земледѣльческо-государственныхъ интересовъ. Не говоря уже объ отсутствіи въ надлежащемъ количествѣ и при соотвѣтствующихъ условіяхъ постановки низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, удовлетворяющихъ элементарнѣйшимъ условіямъ крестьянскаго быта, средняя школа изнываетъ подъ гнетомъ классицизма и раздѣленія на два враждебныхъ лагеря—учащихъ и учащихся—и плохо выполняетъ свое назначеніе. Ни мало развитая и лишенная высокихъ традицій семья, ни не отвѣчающее раціональнымъ требованіямъ среднее образованіе—не воспитываютъ въ подростающемъ юношествѣ фундаментальнаго принципа законности, первой базы всякой общественной жизни и дѣятельности. Такая молодежь поступая въ высшую школу безъ всякихъ зачатковъ трезваго міровоззрѣнія и устоевъ, дѣлается легко жертвою заблужденій, основанныхъ на неправильномъ пониманіи явленій современной ей жизни и склонности къ скороспѣлымъ мечтаніямъ въ запретной политической сферѣ. Отсюда постоянныя волненія, отвлекающія молодежь отъ серьезныхъ занятій и мѣшающія ей пріобрѣтать тѣ солидныя знанія, которыя такъ нужны народу и которыя онъ вправѣ ждать отъ воспитывающагося на его счетъ юношества. Къ несчастію рознь между юношествомъ и его научными руководителями существуетъ и здѣсь и даже культивируется, вслѣдствіе чего профессора лишены возможности удовлетворять запросамъ молодого ума и дать правильное освѣщеніе волнующимъ фактамъ. Поэтому и по отсутствію легальныхъ основъ въ неокрѣпшемъ еще мировоззрѣніи, наиболѣе горячіе и жизненные элементы молодежи—удаляются какъ элементъ почитаемый вреднымъ, а благополучно завершающіе прохожденіе наукъ вступаютъ въ жизнь уже титулованными чиновниками съ узко эгоистическими интересами бюрократическаго свойства: такъ бываетъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ.

Съ недавняго времени у насъ существуетъ министерство земледѣлія, теперь преобразованное. Вмѣсто того, чтобъ играть первенствующую роль въ странѣ по преимуществу земледѣльческой, его дѣятельность должна была уложиться въ крайне тѣсныя рамки. Его отчеты обнаруживаютъ поражающую узкость и ограниченность расходовъ и ассигнованій на существеннѣйшія стороны народныхъ потребностей и по сравненію съ бюджетами другихъ вѣдомствъ, объясняютъ фактическую невозможность широкаго проявленія его работы и стремленій.

Между тѣмъ вѣдь именно земледѣльческіе продукты—тѣ единственные товары, которыми Россія могла бы, отвоевать себѣ почетное мѣсто на общеевропейскомъ рынкѣ, не боясь конкурренціи. Что же касается до другихъ отраслей промышленности, то еслибъ даже предположить, что по своимъ естественнымъ богатствамъ и высотѣ техниче-

скаго развитія Россія стоитъ на одинаковомъ уровнѣ съ давно и высокоразвитыми промышленными странами, чего несомнѣнно нѣтъ,—то не нужно забывать условій неблагопріятныхъ для нее на всемірномъ промышленномъ рынкѣ. Ея климатическія условія связываютъ ее съ одногодовыми оборотами, требующими высокаго % доходности въ большинствѣ промышленныхъ предпріятій. Исторически сложившіеся бытъ и характеръ народа, укладъ его жизни— будутъ здѣсь не маловажнымъ факторомъ. Громадная же протяженность страны, при относительно малой длинѣ желѣзнодорожныхъ путей и плохія проѣзжія дороги,—обусловливаютъ высокую стоимость транзита, которая должна сказаться въ окончательной цѣнѣ товара, доставленнаго на мѣсто. Все это такія обстоятельства, которыя не могутъ способствовать успѣху конкурренціи съ другими высококультурными странами.

Таково истинное положеніе вещей, а между тѣмъ тенденція выдвинуть Россію на всемірный рынокъ вызвала рядъ довольно таки рискованныхъ экспериментовъ. Здѣсь были позабыты даже поучительные уроки нашей исторіи. Призывъ иностранцевъ ради педагогическихъ цѣлей — сыгравшій такую незавидную роль въ наши дни—дѣло далеко не новое. Что дали, чѣмъ содѣйствовали успѣху нашего земледѣлія нѣмецкіе колонисты? Въ чемъ сказалась польза отъ мастеровъ и рабочихъ выписанныхъ въ Златоустовскій заводъ въ 1815 г. изъ Золингена и Клингенталя? Какое вліяніе оказали они на поднятіе горно-заводскаго дѣла на Уралѣ, на мѣстное населеніе. А нѣмецкій городокъ и сейчасъ процвѣтаетъ на этомъ заводѣ.

Послѣднее же нашествіе промышленныхъ иноплеменниковъ повлекло за собою не мало бѣдствій. Во сколькихъ крахахъ иностранныхъ предпріятій оно сказалось, предпріятій, разсчитанныхъ главнымъ образомъ на биржевую игру помощью выпуска акцій и питавшихся преимущественно казенными заказами. Не мало раззорено русскихъ крупныхъ владѣльцевъ, поддавшихся общему теченію и сколько пострадало мелкихъ акціонеровъ! При этомъ передъ глазами свидѣтелей педагогической работы чужеземныхъ дѣльцевъ развернулось по истинѣ печальное зрѣлище.

Уже впередъ можно было ожидать, что эти чужеземные промышленные педагоги будутъ изъ отбросовъ иностранной индустріи: кто же пойдетъ искать заработковъ на чужбинѣ, разъ онъ можетъ быть дѣльцемъ у себя на родинѣ? Такъ и вышло на самомъ дѣлѣ. Подавляющее большинство этихъ господъ по размѣру своихъ свѣдѣній оказалось стоящимъ не выше, а ниже русскихъ спеціалистовъ. Между тѣмъ, обезпечивъ себя громадными содержаніями и такими-же неустойками, пришлые насадители культуры усвоили себѣ возмутительно заносчивый тонъ. Пренебрежительное отношеніе къ русскому законодательству, когда оно ста-

вило преграды ихъ стремленіямъ къ безпардонной эксплоатаціи личнаго труда и естественныхъ богатствъ, оскорбительное недовѣріе и третированіе съ—высока народа, презрительно-насмѣшливое отношеніе къ его обычаямъ, религіознымъ взглядамъ и укладу, все это не могло не вызвать раздраженія и броженія среди рабочихъ массъ. Иностранные педагоги скоро орьентировались чѣмъ и какъ возможно обезпечить себѣ просторъ дѣйствій и обходы закона. Административный произволъ былъ какъ нельзя больше на руку для такихъ цѣлей. А нужно знать и испытать на себѣ, до какихъ предѣловъ доступно ловкимъ людямъ вырастить эти „удобства“ для себя въ нашихъ провинціальныхъ глухихъ углахъ.

Такимъ образомъ не насадителями культуры явились у насъ иностранные дѣльцы, а дѣйствительно заносчивыми побѣдителями въ странѣ побѣжденныхъ, гдѣ роль побѣжденныхъ пришлось играть и рабочему люду и той части населенія вообще, которая соприкасалась съ попавшими въ руки чужеземцевъ промышленными предпріятіями.

Конечно во всей этой грустной исторіи не безъ вины, и большой, само русское общество.

Его несостоятельность отчетливо сказалась въ неумѣньи проникнуться начинаніями свѣтлаго царствованія Великаго Освободителя народа, отдавшаго въ его руки земское дѣло—т. е. устройство экономической стороны жизни,—эту основу фактической реальной мощи и возможность постепенной подготовки къ самоуправленію. Не понявъ своей прямой задачи, общество стало добиваться той-же конечной цѣли, но не въ предначертанномъ ему направленіи, а въ такихъ сферахъ, гдѣ у него не было подъ ногами прочной почвы. Не дремавшія темныя силы воспользовались этой ошибкой, оклеветавъ общество и наиболѣе активныя его силы въ крамольныхъ стремленіяхъ. Въ результатѣ—потеря довѣрія къ обществу и его силамъ, стѣсненіе дѣятельности земскихъ учрежденій и т. п. Начались тяжелые годы реакціи, административнаго усмотрѣнія, развитія бюрократизма. Въ борьбѣ охранительныхъ идей съ потерявшими довѣріе прогрессивными стремленіями были совершенно позабыты экономическіе интересы народа и государства. Послѣдствія не замедлили сказаться. Они-то и подготовили почву для изысканія средствъ къ подъему народнаго благосостоянія посредствомъ интенсивнаго развитія промышленности съ помощью иностранныхъ капиталовъ, которые должны были оживить производительность, поднять предпріимчивость народа и обогатить Россію.

Къ чему привели эти, въ недобрый часъ задуманныя, мѣропріятія въ связи съ бюрократическимъ режимомъ и политикою усмотрѣнія — сказалось въ громадномъ упадкѣ земледѣлія, общемъ промышленномъ кризисѣ, обнищаньи народа и горестныхъ событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ.

Въ эти, еще такъ недавніе, тяжелые дни быть можетъ и было мѣсто для дѣятелей и пророковъ панацей въ родѣ „неразмѣнныхъ рублей“ и др. сказочныхъ нелѣпостей. Но, къ счастію, теперь все это въ прошломъ. Будемъ надѣяться, что призывъ съ высоты престола вызоветъ къ жизни и дѣятельности лучшія народныя силы и изъ среды общества выдвинутся дѣйствительно талантливые дѣятели, которые сумѣютъ залѣчить тяжкія раны прошлаго.

А. С....ъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 октября 1905 г.

Художественная типо-литографія А. К. Вейерманъ. Мѣщанская, 2.